

ISSN 2072-5574

**ВОПРОСЫ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

№5 (155)

2021

Редакционный совет

А.П. Торшин — кандидат юридических наук, Заместитель председателя — статс-секретарь Банка России, Председатель редакционного совета журнала «Вопросы экономики и права»

Е.М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

А.Г. Лисицын-Светланов — доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Институт государства и права Российской академии наук

В.Н. Викторов — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра специал. программ С.-Петербург. горного университета

Ю.В. Голик — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

С.Н. Сильвестров — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, Директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

А.А. Ливеровский — доктор юридических наук, профессор Кафедры конституционного и административного права НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

Журнал включен в Перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель: ООО «Экономические науки»
Адрес: 125057, г. Москва, Чапаевский пер., 3–775
E-mail: info@law-journal.ru
Сайт: <http://law-journal.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г.

Подписной индекс 70180

ISSN 2072-5574

Дата выхода издания 31.05.2021

Формат 60x84/8

Усл. печ. л. 7.67

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «24 Принт»

Редакционная коллегия

Е.М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

О.Ю. Бакаева — доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии

В.В. Болгова — доктор юридических наук, профессор, Первый проректор по учебной и воспитательной работе, зав. кафедрой теории и философии права Самарского государственного экономического университета

А.А. Павлушина — доктор юридических наук, профессор

С.А. Махошева — доктор экономических наук, профессор, Зав. отделом «Региональный менеджмент» Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

В.В. Симонов — доктор экономических наук, профессор, Зав. кафедрой истории Церкви Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

И.А. Шулятьев — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

А.А. Алексеев — доктор экономических наук, профессор, Директор Центра инновационного развития, профессор кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В.Ф. Понька — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов

А.Г. Зельднер — доктор экономических наук, профессор Института экономики Российской академии наук

М.Ф. Гуськова — доктор экономических наук, профессор Института пути, строительства и сооружений Российского университета транспорта (МИИТ)

П.В. Павлов — доктор экономических наук, доктор юридических наук, доцент, директор Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного Федерального Университета

Р.И. Хансевяров — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

Главный редактор

доктор юридических наук, профессор **Е.М. Ашмарина**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Жаров С.Н. Дуэль как состав преступления в российском уголовном праве XVIII–XIX вв. ...	7
Ларионова К.А. Совершенствование законодательного обеспечения системы мониторинга оценки эффективности применения нормативных правовых актов	11
Литягина А.С., Шаваева Д.В. Электронные деньги и оборот наркотических веществ в России: анализ и сложности регулирования	16
Петрик А.С. Правовое саморегулирование как вид правового регулирования	21
Рыжикова Е.В. Механизм «регуляторной гильотины» в сфере строительства	25

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Фатькина Е.А. Новый виток развития политики удобства и простоты исполнения налоговой обязанности	33
Федотова А.А. Особенности применения бюджетных процессуальных норм о предоставлении гранта (субсидии) арбитражными судами Российской Федерации	36

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Ширёва И.В. Экологическая политика ЕС	43
Якуб Фаиз Понятие электронных ценных бумаг в международном праве	51

ECONOMIC AND LAW ISSUES (АНГЛИЙСКАЯ ВЕРСИЯ)	55
--	----

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

ДУЭЛЬ КАК СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ XVIII–XIX ВВ.

© 2021 **Жаров Сергей Николаевич**

профессор кафедры Теории и истории государства и права Института права

Челябинский государственный университет, Россия, Челябинск

E-mail: serzhar@mail.ru

Статья посвящена исследованию развития уголовного преследования за участие в дуэли в праве Российской империи. Принесенная из Западной Европы традиция, не имевшая корней в России, неожиданно быстро превратилась в серьезную проблему не без попустительства со стороны самих законодателей и судей, а также поощрения общественным мнением. Источниками исследования стали статьи нормативных актов, каравших за участие в дуэли, а также проекты таких актов и прочие тексты, отражавшие мнение законодателя по данному вопросу. Формально-юридический и исторический методы позволили выявить элементы состава преступления и отношение к нему в обществе. Диахронное сравнение статей нормативных правовых актов показало изменение представления об этом деянии от государственного преступления к самосуду и далее к убийству, причем в конце периода законодатель создал субъекта, не только освобожденного от ответственности за дуэль, но и обязанного инициировать ее.

Ключевые слова: история России, уголовная ответственность, дуэль, честь и достоинство, государственное преступление, самосуд, убийство.

Вопросы чести и достоинства, способы их защиты всегда занимали важное место в жизни людей, поскольку честь и достоинство были существенным элементом правового и социального статуса личности. Восстановление попорченной чести и достоинства (бесчестие) на Руси осуществлялось либо судебным поединком, либо, уже при династии Романовых, судебным порядком (см. главу X Соборного уложения 1649 г.). Но абсолютизм кардинально изменил представления о чести и достоинстве и способах их защиты.

В России, в отличие от европейских государств, зависимость феодальных сословий от воли монарха была достаточно высока. Дуэльной традиции, столь свойственной европейцам, среди нашей знати не существовало, даже судебные поединки, еще упомянутые в Судебнике Ивана Грозного, в XVII столетии уже не применялись — Соборное уложение 1649 г. никаких норм об этой форме защиты прав не содержит. Однако дуэли в России время от времени происходили — между иностранными дворянами, поступившими на службу московским государям.

Первая дуэль, закончившаяся примирением ее участников, произошла между шотландцем Патриком Гордоном и англичанином майором Монтгомери в 1666 г. Далее также изредка происходили поединки между иностранцами, но

уже в начале XVIII века в них принимали участие и русские дворяне, обучавшиеся в Европе. Это были единичные случаи, в массе своей русское дворянство отвергало идею дуэли, по этому поводу секретарь посольства Пруссии И. Фоккеродт отметил в своих записках, посвященных российским нравам петровского времени, русские дворяне с насмешкой относились к разговорам о чести и необходимости что-либо совершать во имя ее. Поэтому требования Указа о поединках о подаче жалобы в случае оскорбления, с охотой и покорностью исполнялись русскими офицерами, как ни один прочий указ [1, С. 52].

Однако Петр I установил высокую ответственность за все деяния, связанные с дуэлью, гораздо ранее распространения этих деяний в среде русского дворянства. Первым актом уголовного преследования за дуэли был указ 14 января 1702 года «О нечинении иноземцам никаких между собою ссор и поединков, под смертною казнью». В указе прямо отмечено, что запрет на дуэли вводится «против обыкновения всех окрестных Государств», а в качестве причины запрета — «чинятся в том напрасные многие убивства». Субъектами преступления в нормах этого указа выступали служилые иноземцы высших и низших чинов, выступившие организаторами или вызывателями на поединок, в случае

нанесения ранения противнику, что каралось смертной казнью. Более мягким наказанием — отсечением руки — карались иноземцы, в ссоре обнажившие на обидчика оружие, но не причинившие ему вреда [2]. Значительно подробнее регулировались правоотношения по поводу дуэли в главе 49 Устава воинского «Патент о поединках и начинании ссор». Здесь санкции к дуэлянтам отличались по факту покушения или совершенного преступления. Все формы приговора к дуэли, начиная с вызова, и до момента начала поединка, если дуэлянты своей волей отказались сражаться — карались различными штрафами и организационными мероприятиями (отстранение от службы, лишение чина и пр.), но как только схватка началась, все виновные — а ими были не только непосредственные участники, но и секунданты и прочие свидетели — подлежали смертной казни. Та же санкция следовала и за недонесение [3]. Артикул Воинский 1715 г. (арт. 139, 140) еще более ужесточил этот институт. Во-первых, субъектами преступления стали все участники дуэлей, без различия национальности и чина, вызыватель, ответчик, секунданты, с момента вызова. Санкция для всех них была одна, смертная казнь, причем позорная — через повешение. Даже убитых на дуэли требовалось повесить, причем за ноги [4, С. 352–353]. Устав Морской 1720 г. практически без изменений распространил эти нормы и на морских чинов [5, С. 512–513]

В качестве объекта преступления здесь выступало несомненное право абсолютного монарха безраздельно распоряжаться своими подданными, поскольку они присягали служить ему «телом и кровию», а дуэлянты покушались именно на это право монарха, пытаясь распорядиться своими и чужими телом и кровью по своей воле. Вторым объектом преступления следует назвать весьма значительные материальные средства, уплачиваемые иностранным специалистам в виде жалования, а также выплаченные за обучение собственных дворян. То есть преступление причиняло ущерб государственным интересам и в этом своем качестве было сравнимо с бунтом против верховной власти, и именно поэтому Петр Великий расположил этот состав преступления в главе 17 «О возмущении, бунте и драке».

Надо отметить, что большинство офицеров петровского времени были вполне солидарны со своим императором в отношении к дуэ-

лям. Косвенным свидетельством тому являются опубликованные биографии офицеров наиболее аристократичного кавалергардского полка, сформированного в 1721 году, в которых повествуется о драках, в том числе и с применением холодного оружия, а равно и других подручных средств, но до начала XIX века нет сведений хотя бы об одной организованной по правилам дуэли [1, С. 53].

Что же предлагалось вместо дуэли для восстановления поруганной чести? Обращение в суд, который штрафовал обидчика и требовал на коленях просить прощения у оскорбленного. Важнейшим элементом эффективности правового регулирования здесь было «скорое правосудие» — максимум шесть недель, и за затягивание рассмотрения дела штрафы угрожали уже судьям.

Однако уже во второй половине XVIII столетия поединки в защиту чести стали весьма распространены среди российского дворянства, хотя во многих случаях соперники не утруждались соблюдением правил дуэли, а вступали в драку немедленно с применением подручных средств. По мнению И.В. Рейфман, распространению дуэльного обычая парадоксальным образом способствовала суровость наказания, которая таким образом придавала дуэли вид героического поступка, а дуэлянту — статус отчаянного и отважного героя, который, таким образом, мог иметь успех у дам.

С другой стороны, распространению дуэлей способствовало неэффективное антидуэльное судопроизводство, не обеспечивавшее быстрого и надежного восстановления поруганной чести. А раз нет надежды на государство — оскорбленные дворяне вынуждены были восстанавливать свою честь самостоятельно [1, С. 56].

К тому же потребность в умеренной свободе как необходимом условии творческого отношения к своей службе, к служению Отечеству была крайне необходима дворянам российским в условиях абсолютистского государства [6, С. 24]. В значительной степени способствовала этому «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», утвержденная Екатериной II 21 апреля 1785 г. следует заметить, что в первые годы своего правления императрица, не составив еще окончательно своего личного отношения к дуэли, ссылалась на авторитеты, что наглядно иллюстрирует ст. 234 Наказа Уложенной комиссии: «О поединках не-

бесполезно здесь повторить то, что утверждают многие и что другие написали: что самое лучшее средство предупредить сии преступления есть наказывать наступателя, сиречь того, кто подает случай к поединку, а невиноватым объявить принужденного защищать честь свою, не давши к тому никакой причины» [7]. Лишь позднее она, не одобряя дуэль как способ защиты прав, в Манифесте «О поединках» от 21 апреля 1787 г., изменила объект преступления, который теперь заключался в присвоении судебных полномочий суверенной власти. Поэтому штрафные санкции за организацию дуэли связывались с судебским бесчестьем, а размер штрафа — с жалованием того судьи, в чьем ведении было рассмотрение данного дела об оскорблении. Общественная опасность зависела от результатов дуэли: в случае смерти противника виновные отвечали как убийца и его сообщники, при ранениях — как причинители телесных повреждений, если же все участники остались живы и здоровы — то «аки участники самовольного суда и незаконного мщения» [8].

Такой подход к дуэли не изменился и через два десятилетия: комиссия составления законов, созданная в 1803 г. Александром I, чтобы создать новое Уложение уголовных законов «на чистых началах разума» [9, С. 102], отнесла дуэль к особому виду самосуда, или самоуправства, а нормы, запрещавшие ее, (§ 209–218) поместила в отделе 5 «О наказаниях за преступления против общего судебного порядка или за самоуправство» главы 4-й, сосредоточившей в себе «наказания за преступления, нарушающие внутреннюю общественную безопасность и тишину». Но права и полномочия судебной власти рассматривались в качестве объекта преступления только в случае, когда «ни смерти, ни ран при поединке не последовало»; при иных последствиях ответственность наступала за убийство, ранение или увечье. Число субъектов преступления увеличилось: теперь кроме секундентов, свидетелей и прочих недоносителей в качестве сообщников привлекались и начальники, не сумевшие предотвратить поединок [10, С. 46–51].

Проект не был утвержден, а после смерти Александра I его рассмотрение прекратилось. Но его нормы были использованы позднее, при составлении Свода законов Российской империи (т. 15, ст. 349–366) [11, С. 185].

Иной подход к запрещению дуэли демонстрирует нам Уложение о наказаниях уголовных

и исправительных 1845 г. В отличие от общего направления работ при составлении проекта Уложения, которое, по мнению Г. С. Фельдштейна, не предполагало изменения системы Свода законов уголовных, а лишь проверку и дополнение его новыми статьями, созданными после утверждения Свода законов Российской империи [12, С. 444]. В отношении всего проекта Уложения это утверждение видного российского правоведа вполне справедливо, но не в отношении к дуэли. В новом нормативном правовом акте дуэль была полностью лишена характера преступления против государства или суда. Статьи 1970–1985 Уложения о наказаниях..., устанавливающие ответственность за дуэль, были размещены в главе 4 «О поединках» раздела 10 «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц», санкции стали значительно мягче: смертная казнь как наказание уже не применялась, и даже в случае смерти одного из участников вызвавший мог быть приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение. Если же в живых оставался принимающий вызова, то он подлежал заключению в крепости от 10 до 15 лет (ст. 1977) [13, С. 769].

Беспощадный к уголовным преступникам российский закон обычно снисходительно относился к дуэлянтам, в отношении к которым часто применялась либо ссылка на окраины империи, либо помилование через весьма непродолжительный срок. Иметь репутацию завязтого бретера в российском обществе было модно и почетно, и сами законодатели и судьи не могли пойти против общественного мнения. Более того, Павел I посылал всем монархам, имевшим к нему какие-либо претензии, вызов на дуэль, и предлагал первых министров в секунданты. Недалеко от него ушел и Александр I, собиравшийся предложить поединок австрийскому министру Меттерниху на Венском конгрессе [14, С. 28]. Так что все понимали условность строгих антидуэльных законов, которые тем не менее время от времени применялись.

Тем не менее наступил момент, когда даже такое формальное запрещение дуэлей было нарушено введением специального субъекта — армейского или флотского офицера. Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде, от 13 мая 1894 г., не только избавили офицеров от ответственности за участие в дуэли, но и в ряде случаев обязали его быть инициатором

поединка в случае, если суд общества офицеров решит, что «поединок является единственно приличным средством удовлетворения оскорблённой чести офицера», под угрозой увольнения от службы [15]. При этом оскорбителем или сочтенным таковым мог быть как другой офицер, так и статский человек, который в случае победы в поединке вовсе не освобождался от уголовной ответственности. На эту несуразность в законодательстве сразу же обратил внимание командующий Киевским военным округом ге-

нерал М.И. Драгомиров [16, С. 243].

Подводя итог исследованию правового регулирования дуэли, можем отметить, что на протяжении почти двух столетий формально запрещая дуэль, законодатели весьма спокойно реагировали на нарушения этого запрета, а иногда и лично подавая пример такого нарушения, и в конце рассматриваемого периода отменили запрет на поединки для наиболее близкого сословия, составлявшего опору престола — армейского и флотского офицерства.

Библиографический список

1. Рейфман И. Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе. М.: НЛЮ, 2002. 327 с.
2. ПСЗ-И. Т. 4. № 1890.
3. ПСЗ-И. Т. 5. № 3006
4. Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 4. М.: Юрид. лит., 1986. 511 с.
5. Памятники русского права. Вып. 8. М.: Госюрлитиздат, 1961. 667 с.
6. Жаров С. Н. Античность в идейно-политической жизни России XVIII века // Славянский мир на рубеже тысячелетий: Материалы IV международной научной конференции. Пермь, 1999.
7. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767 г. // <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/dokumenty/glavy-i-v.htm> (Дата обращения 1 марта 2021 г)
8. Востриков А. Книга о русской дуэли. СПб., 1998 // http://www.plam.ru/hist/kniga_o_russkoi_duyeli/p3.php (2013. 18 марта)
9. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1994. 380 с.
10. Проект Уголовного уложения Российской империи. Ч. 2. О наказаниях за государственные и общественные преступления. СПб.: Сенатская тип., 1813. 121 с.
11. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М.: Госюрлитиздат, 1947. 511 с.
12. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., Зерцало, 2003. 542 с.
13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2-го отд. СЕИВК, 1845. 922 с.
14. Эйдельман Н. Я. Лунин. М.: Молодая гвардия, 1970. 351 с.
15. ПСЗ-III. Т. 14. № 10618–10619.
16. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М.: Мысль, 1973. 355 с.

УДК 340.13

DOI: 10.14451/2.155.11

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

© 2021 Ларионова Карина Азатовна

аспирант

Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань

E-mail: kar1na@yandex.ru

Статья посвящена исследованию вопроса законодательного обеспечения мониторинга оценки эффективности применения нормативных актов, выявлению проблем реализации механизма, представлены перспективы развития правового регулирования организации рассматриваемого вида мониторинга. Предложены и обоснованы направления совершенствования законодательного обеспечения общего механизма повышения эффективности нормативных актов.

Ключевые слова: нормативные правовые акты, эффективность применения правовых актов, совершенствование законодательного обеспечения, мониторинг, правоприменение.

В последнее время все активнее растет число принятия нормативных актов. При этом наиболее частым основанием реализации правотворческой инициативы служит внесение поправок в уже действующие нормативные акты, что может свидетельствовать с одной стороны об их низком качестве, а с другой стороны о ситуативности законотворческого процесса. Указанные факторы повышают роль организации правового мониторинга в целом, и мониторинга эффективности применения правовых актов в особенности.

Актуальность реализации мер, связанных с оценкой эффективности нормативных актов, основана на том, что представленная частота принятия актов автоматически приводит к процессу «зарегулированности», что в свою очередь влечет громоздкость правовой системы в целом [7].

Цель исследования заключается в формировании предложений по совершенствованию законодательного обеспечения системы мониторинга оценки эффективности применения нормативных правовых актов.

Методы используемые в процессе проведения исследования, весьма разнообразны. Инструментом в получении фактического материала послужили традиционные методы материалистической диалектики, формально-логический, системный, сравнительно-правовой, статистический и социологический методы, а также наблюдение, анализ, синтез, аналогия, абстрагирование, моделирование и обобщение.

В настоящее время механизмы, связанные с повышением эффективности функциониру-

вания нормативных актов довольно детально проработаны. Систему оценки, в зависимости от стадии «жизни» нормативного акта, можно условно поделить на:

- мониторинг проекта нормативного акта;
- мониторинг нормативного правового акта.

В свою очередь указанные механизмы можно представить в виде подсистем единого организма правового мониторинга. Так мониторинг проектов нормативных актов включает такие составные элементы, как:

- антикоррупционная экспертиза;
- общественное обсуждение;
- оценка регулирующего воздействия;
- правовая экспертиза проектов;
- регистрация правовых актов.

Подсистема мониторинга принятых правовых актов включает в себя:

- антикоррупционная экспертиза;
- оценка фактического воздействия;
- мониторинг правоприменения.

Отдельным элементом системы повышения эффективности функционирования нормативных актов является надзорная оценка. Полномочия на ее осуществление принадлежит судебным инстанциям. В данном случае следует определить, что оценка может быть связана с одной стороны с процессом принятия специализированного акта толкования права, предусматривающего возможность повышения эффективности правовых актов, особенно, в случае, когда из содержания нормативного акта не

следует однозначность формулировок, которые можно использовать без вспомогательного механизма на практике. С другой стороны, судом в заявительном порядке, может быть принято решение о признании акта недействующим в силу его дефектности (например, противоречия вышестоящим актам).

Особую актуальность, в рамках заявленной темы исследовательской работы, приобретают вопросы мониторинга применения нормативных актов. Именно на стадии правореализационных этапов иллюстрируется возможность эксплуатации норм правового акта, реальных возможностей применения положений нормативного документа в контексте функционирования иных актов, задействованных в урегулировании конкретных правоотношений.

Анализ правоприменения через систему конкретных критериев оценки эффективности позволяет выявить проблемы, сформировать и конкретизировать их в отчете и представить в виде доклада главе государства. Именно на основании указанных документов с учетом их анализа и детальной характеристики выявленных пороков нормативных актов, возможно сконструировать новую норму, позволяющую избежать дефектности уже промониторенных актов.

Тем не менее, несмотря на кажущуюся «идеальность» представленной системы оценки эффективности применения правовых актов, представленный механизм в полном объеме своего потенциала до сих пор не использован. В первую очередь это связано с затяжными сроками осуществления мониторинга, что делает механизм громоздким и неподвижным. Динамичные общественные отношения нуждаются в новых универсальных правовых конструкциях, тогда как сам процесс мониторинга охватывает период нескольких лет. Это не позволяет адекватно реагировать на результаты мониторинга и сводит все усилия к нулю. К тому моменту, когда результаты мониторинга лягут в основу доклада Минюста, возможно, правоотношения, которые нуждались в срочной корректировке дефектного акта, уже требуют разрешения.

И это не единственная сложность в реализации механизма мониторинга оценки эффективности применения нормативных актов. Указ № 657 [2], регламентирующий рассматриваемые процессы, устанавливает возможность организации деятельности по сбору, обобщению, анализу и оценке информации по корректировке

нормативных актов, органами исполнительной власти РФ и ее субъектов. Внесение в документ термина «возможность», а не «обязанность» нивелирует все разработанные критерии и показатели эффективности по причине того, что упоминаемые органы не очень горят желанием использовать представленную возможность. По этой причине и с учетом того, что функция по представлению доклада принадлежит Минюсту, весь механизм мониторинга правоприменения, реализованный в соответствии с использованием всех критериев оценки эффективности, сводится лишь к трансляции доклада.

Кроме того, из содержания самого Указа № 657 не следует алгоритм дальнейших действий, которые должны определять последствия итогов организованного мониторинга правоприменения. Последним этапом плана мониторинга является именно доклад о его результатах. Никаких мер реагирования на выявленную проблематику дефектности правовых актов действующее законодательство не содержит.

Еще одним недостатком механизма мониторинга следует считать его плановость. Других вариаций по систематизации организации мониторинга Указ № 657 не содержит. По этой причине и с целью надления большей подвижностью механизма повышения эффективности правовых актов, реализуемого в форме мониторинга правоприменения, следует включить возможность проведения внепланового мониторинга на постоянной основе.

Следует обратить внимание на то, что сам механизм мониторинга включает довольно много элементов, которые в процессе применения действуют не комплексно и зачастую дублируют друг друга, отсутствует системность и взаимодействие, что автоматически снижает эффективность самого механизма оценки.

Горбачев С. А. и Зудов Ю. В. видят решение проблемы в формировании на федеральном уровне единого подхода к подготовке нормативных правовых актов и их оценке и гармонизации действующих механизмов между собой. Авторский коллектив настаивает на том, что необходимо перейти к пониманию единства процесса законотворчества по принципу «оценка-проект-акт-оценка», которое в итоге даст синергетический эффект [7].

Автор находит рациональным предлагаемый вариант повышения эффективности функционирования механизма. Детально его анали-

зируя предлагается на стадии первоначальной оценки охарактеризовать сформированный социальный заказ, то есть готовность общества к регламентации отношений в представленном виде. На этапе формирования проекта оформляется именно проект нормативного акта с учетом возможного развития всех сфер жизнедеятельности и динамики отношений на национальном, региональном, местном и внешнем контурах. Этап принятия акта довольно подробно регламентирован отечественным законодателем со всеми особенностями процедурных компонентов. Заключительная стадия является наиболее продолжительной и связана с оценкой достижения запланированных результатов принятия нормативного акта, сочетания его реализации с иными правовыми актами, актуальности его в разрезе правоприменительной практики.

Следует отметить, что именно заключительный этап оценки правоприменения является наиболее энергоемким. Необходимо анализировать правовой акт с позиции его применительной способности, самостоятельности в регулировании соответствующих отношений, востребованности, а главное, достижения запланированных результатов. Для того, чтобы использовать возможность наиболее емко представить себе процесс мониторинга оценки применения акта по последнему показателю, то есть достижению результатов, необходимо спрогнозировать ожидаемый эффект от принятия акта по различным показателям. Систематизация этих показателей и должна лечь в основу формирования критериев оценки в процессе мониторинга правоприменения. Однако, по мнению автора, целесообразно наряду с общими показателями, изложенными в Указе № 657, сформировать, в зависимости от регулируемой сферы, дополнительный критериальный набор, который позволил бы подойти индивидуально к системе оценки эффективности применения нормативных актов с целью повышения их качества.

Довольно много ученых говорят о необходимости принятия отдельного федерального закона о нормативных правовых актах, так называемого «закона о законах» [8, 9, 10, 11]. Однако, следует понимать, что в отсутствие заявленной инициативы и разработанного проекта акта, следует руководствоваться имеющимися инструментами. На этом основании следует сформировать предложение о систематизации имеющихся механизмов оценки эффективности, их

корректировки и комплексности организации самого процесса. Рационально в процесс систематизации включить достижения цифровых технологий, которые позволят сократить время на поиск заимствований и дублирований в нормативных актах, ускорить процесс анализа судебной практики применения нормативных актов, рассмотреть особенности юрисдикционной досудебной востребованности правового акта, подвергающегося мониторингу.

Переходя к конкретным предложениям о совершенствовании законодательного обеспечения мониторинга оценки эффективности применения нормативных актов следует в первую очередь обратить внимание на системность самого механизма. Мониторинг правоприменения нормативных актов не может существовать в отрыве от всего механизма мониторинга нормативно-правовых актов. В этой связи предлагается систематизировать все имеющиеся инструментарию, консолидировать в единый документ общие элементы и критерии оценки эффективности. Наряду с общими следует выделить специальные критерии, применяемые в зависимости от сферы регулируемых нормативным актом отношений. Кроме того, в общую систему законодательного обеспечения следует включить унифицированные методические материалы по организации мониторинга, а также регламент его осуществления.

Для того, чтобы указанная идея стала жизнеспособной, следует организовать работу по анализу всех ныне существующих инструментарию организации мониторинга правовых актов на наличие дублирования актов в регулировании однородных правоотношений. Так, представленная ранее система антикоррупционного мониторинга имеет формы выражения в организации мониторинга правоприменения, независимая форма такой экспертизы дублируется в форме общественного мониторинга. И таких примеров довольно много. Интерес и одновременно сложность в процессе вызывает тот факт, что одинаковый функционал по организации мониторинга относится к полномочиям различных структур, что порождает разность выводов об эффективности применения акта в связи с использованием разных критериев оценки эффективности. Это может породить диаметрально противоположные итоги мониторинга и повлечь необоснованные корректировки нормативных актов.

В этой части следует также обратить внимание и на лиц, функционал которых связан с организацией оценки применения актов. Наиболее рациональным видится необходимость консолидации различных структур с целью формирования наиболее объективных выводов в докладе.

Анализируя полномочия по организации мониторинга, возложенные на Минюст [3], наиболее грамотным видится создание при Министерстве специализированного структурного подразделения, включающего в себя специалистов иных ведомств. Так, правильным бы было включение специалистов от Министерства экономического развития [4], Министерства природных ресурсов [5], Министерства сельского хозяйства [6] и т.д. Включение в рабочую группу должно быть связано с содержательными элементами анализируемого акта, характером отношений, на которые направлено его регулирование, а также сферы ожидаемого эффекта его применения. На этом основании рационально предложить мобильные группы при наличии постоянных экспертов.

Автор предлагает сформировать не только мобильные группы, но и сделать более подвижным сам механизм мониторинга оценки эффективности применения правовых актов. В этой части правильнее было бы отойти от исключительно планового подходе к проведению мониторинга и включить в качестве видовой разновидности мониторинга оценки эффективности применения нормативных актов оперативный (связанный со срочным, по основаниям, проведением мониторинга), текущий (возлагаемый на соответствующие органы исполнительной власти и органы местного самоуправления на

основании принадлежащих им компетенций), инициативный (на основании представленной инициативы общественности, либо органов) и уже регламентированный плановый мониторинг.

Представленные предложения позволят включить в организацию мониторинга органы исполнительной власти и местного самоуправления, которые в настоящий момент отстраняются от подобных функций, поскольку законодатель видит их лишь возможными, но не обязательными (как для Минюста).

Тем не менее, сформированная ныне практика централизации организации мониторинга Минюстом видится логичной. Минюст должен сохранить функции концентратора мониторинга, разработчика и контролера исполнения регламента мониторинга, правильного применения показателей оценки эффективности в процессе мониторинга применения нормативных актов.

Подводя итоги, следует констатировать наличие недостатков в механизме мониторинга оценки эффективности применения нормативных правовых актов. Представленный подробный анализ механизма позволил сформулировать ряд предложений о необходимости дополнительного консолидированного законодательного обеспечения процесса, расширить обязательный субъектный состав мониторинга, унифицировать систему регламентов мониторинга и откорректировать периодичность организации мониторинга, что позволит сделать механизм более подвижным, отвечающим оперативно на потребности государства, общества, человека.

Библиографический список

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием) от 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 04.07.2020 г. № 144.
2. Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 (ред. от 25.07.2014) «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.
3. Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» (ред. от 14.01.2021) // Собрание законодательства РФ. 18.10.2004. № 42. Ст. 4108.
4. Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 437 «О Министерстве экономического развития Российской Федерации» (ред. 27.02.2021) // Собрание законодательства РФ. 16.06.2008. № 24. Ст. 2867.
5. Постановление Правительства РФ от 11.11.2015 № 1219 «Об утверждении Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации и об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (ред. от 24.11.2020) // Собрание законодательства РФ. 23.11.2015. № 47. Ст. 6586.
6. Постановление Правительства РФ от 12.06.2008 № 450 «О Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации» (ред. от 28.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 23.06.2008. № 25. Ст. 2983.

7. Горбачев С.А., Зудов Ю.В. Совершенствование системы оценки нормативных правовых актов Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30). С. 30–38.
8. Ипатов В.Д. Новые институты в нормотворчестве и механизмы их реализации, обеспечивающие совершенствование государственного регулирования // Право.ru. 2019. № 3(59). С. 12–17.
9. Скибин Н.А. Мониторинг как вид правового контроля в системе государственного и муниципального управления // Методы прогнозирования в технике и технологиях. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2018. С. 29–33.
10. Трутнева Е.С. Стадии проведения мониторинга нормативных актов // Проблемы правового обеспечения устойчивого развития оборонно-промышленного комплекса в современных политических и социально-экономических условиях. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Под научной редакцией А.П. Соколова. 2020. С. 365–369.
11. Черногор Н.Н., Залозло М.В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проекта нормативного акта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 74–92.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДЕНЬГИ И ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ В РОССИИ: АНАЛИЗ И СЛОЖНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2021 **Литягина Алла Сергеевна**

старший преподаватель, Кафедра трудового и предпринимательского права
Института права, экономики и финансов
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова,
Кабардино-Балкарская Респ., Нальчик
E-mail: alla7878@bk.ru

© 2021 **Шаваева Диана Вячеславовна**

студентка группы ЮБС19–1м,
Департамент правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва

В статье рассматриваются основные проблемы правового регулирования электронных денежных средств в их связи с усложнением ситуации с наркотрафиком в РФ. Предложены основные мировые подходы к определению электронных денег. Проанализировано современное состояние рынка наркотических веществ, рассмотрены новые способы торговли наркотиками: торговля через маркетплейсы в даркнете. Также в данной статье проведен точечный анализ лидера на рынке цифровой наркоторговли, приведена статистика правоохранительных органов и здравоохранительных организаций, а также исследования независимых СМИ в этой части. Затронуты ключевые особенности российского теневого рынка наркоторговли и выявлены основные сложности борьбы и профилактики подобных преступлений.

Ключевые слова: электронные деньги, наркотики, теневой рынок, цифровая наркоторговля, криптомаркет, отмыwanie доходов

Процент использования электронных денег при совершении платежей растет с каждым годом в мировых масштабах. Популярность данного способа осуществления денежных операций повышает не только его простота и удобство, но и повсеместное развитие цифровых технологий в сфере финансов. Финансовый рынок уже достаточно давно перешел в режим «онлайн», время биржевых ям и офисного банкинга постепенно уходит в прошлое — человечество «оцифровывает» теперь не только учетные данные, но и валюту. Современный мир диктует свои условия не только крупным игрокам на рынке, но и обычным потребителям финансовых услуг. И, если новые технологии появляются ежесекундно, то законодательство, в том числе международное, не столь динамично.

Из этой проблемы вытекает и другая, более насущная — новые виды электронных денег порождают и новые способы их преступного использования. Особенно ярким примером является бурный рост российской цифровой наркоторговли. Именно это и стало центральной темой данной статьи.

Прежде, чем перейти непосредственно к схемам преступного использования электронных денег, необходимо внести ясность в понятийно-категориальный аппарат. Так, Банк Международных Расчетов в своем глоссарии терминов, используемых при платежах и в расчетных системах, определяет электронные деньги как сумму, хранящуюся в электронном виде на таких устройствах, как карты с микрочипами, либо жесткие диски персональных компьютеров. Важно отметить, что здесь же БМР проводит различие между «электронными деньгами» и «электронными средствами платежа», вводя понятие «электронного кошелька» и «электронной банковской карты». Далее последнее понятие расширяется посредством классификации существующих видов банковских карт. Позднее, в июне 2010-го года докладом этой же международной организации понятие электронных денег было расширено. Электронными деньгами теперь считалась денежная величина, представленная правом требования к эмитенту, сохраняемая в электронном устройстве (карта с микрочипом, жесткий диск персонального

компьютера, серверы или иные устройства), и выдаваемая после получения денежных средств в сумме, не меньше полученной денежной величины, и принимаемая в качестве платежного средства предприятиями, иными, чем эмитент.

Еще один подход к понятию электронных денег можно выделить из Директивы 2009/110/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС. Согласно ей, электронные деньги — это денежная стоимость, сохраненная электронным способом, в том числе магнитно, представленную требованием к эмитенту, которое выдается при получении средств для совершения платежных операций и принимается физическим или юридическим лицом, отличным от эмитента электронных денег. Электронные деньги могут выпускаться кредитными учреждениями, а также другими финансовыми и нефинансовыми организациями ЕС.

И, наконец, необходимо отметить российский подход к определению электронных денег, данный в ФЗ «О национальной платежной системе». Электронные денежные средства — это денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счёта (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа. При этом не являются электронными денежными средствами денежные средства, полученные организациями, осуществляющими профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, клиринговую деятельность и (или) деятельность по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами и осуществляющими учёт информации о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счёта в соответствии с законодательством, регулирующим деятельность указанных организаций.

Также, российским законодательством регламентировано разделение электронных денег на несколько категорий в зависимости от субъектного состава: персонифицированные

электронные средства, неперсонифицированные электронные средства и корпоративные электронные средства. Отличием между персонифицированными электронными средствами и неперсонифицированными служит обязательность идентификация владельца-клиента при осуществлении операций по переводу. Подобного выбора, однако, не предусмотрено для юридических лиц-владельцев корпоративных электронных средств — все операции с участием юридических лиц осуществляются с обязательной идентификацией.

Законодателем принимаются многочисленные попытки по созданию максимально урегулированной и безопасной среды для использования электронных денег. Примечательными являются многочисленные исследования на эту тему от Ассоциации компаний интернет-торговли: совершение россиянами покупок онлайн дало мощный толчок рынку онлайн-торговли — с 2017 года по 2018 российский рынок вырос на 59%. По данным организации, в 2018 году в России было произведено сделок купли-продажи через интернет на 1,66 триллиона рублей. Согласно аналогичному исследованию, в России около 46% пользователей совершают транзакции с использованием электронных платежных средств.

Развитие и распространение электронных денег в России стало благоприятным фактором не только для отечественной экономики, но и для наркоторговли. Еще в 2013 году, Госнаркоконтроль выступил за ужесточение регулирования электронных денег, мотивируя это печально возросшей статистикой по обороту крупных партий наркотиков. Так, в 2011 г. совместными действиями ФСБ и ФСКН в Москве была задержана преступная группа из 10 жителей Ставропольского края, организовавших торговлю курительными смесями через интернет. Товар продавался на условиях 100% предоплаты, которая осуществлялась через Webmoney, «Яндекс.Деньги», «Qiwi-кошелек». После оплаты заказы отправлялись курьерскими службами, либо «Почтой России». На квартире у злоумышленников было изъято 1,5 кг концентрата JWH, из которого можно изготовить 50 кг курительных смесей стоимостью 20 млн. руб. Данный случай является одним из самых резонансных, однако далеко не единственным.

Современный отечественный рынок наркотических веществ осуществляет свою деятель-

ность через даркнет — «теневую» часть интернета, где распространяются сведения и осуществляются сделки, имеющие преступный характер: это покупка и продажа оружия, наркотиков, порнографии, финансирование экстремистских группировок и т.д. Торговля конкретно наркотиками ведется через криптомаркеты — виртуальные анонимные площадки. В целом, подобные сайты не «живут» долго — около 8 месяцев, но это не касается крупных игроков теневого рынка. В России таких площадок действовало до недавнего времени сразу несколько, однако агрессивная конкуренция, а также громкие аресты одних из самых крупных таможенных брокеров, контролирующих грузоперевозки из-за рубежа, в частности через морские порты, привели к монополии одного определенного маркетплейса. Посредством подсчета количества отзывов на предлагаемые этой площадкой товары, было зафиксировано около 3 миллионов отдельных аккаунтов-пользователей. По окончательным расчетам, с 2016 по 2019 год пользователи внесли на 64,7 млрд. рублей (\$1 млрд. на июнь 2019). Доход маркетплейса складывался из комиссии с каждой транзакции, аукционов и «виртуальной» аренды за онлайн-магазины от отдельных поставщиков. Источник данной статистики делает важное замечание: так как, ввиду анонимности даркнета, сложности в отслеживании конкретных сумм, вышеупомянутый доход площадки мог быть еще больше.

Ознакомившись со статистикой, можно сделать следующие выводы о том, как именно электронные деньги осложняют борьбу с наркоторговлей в России:

1) Ключевой момент — платежи с целью покупки наркотических веществ осуществляются с помощью неперсонифицированных электронных денежных средств, являющихся фактически обезличенными. Около трети покупателей расплачиваются при помощи Qiwi-кошельков, остальные используют биткоины. Существует способ отследить владельца Qiwi-кошелька через привязанный номер телефона, однако мошенники зачастую используют подставные номера и б/у сим-карты. Отследить же биткоин — невозможно;

2) Идентификация пользователя наркомаркетплейса — крайне трудная задача для правоохранителей. Даркнет имеет свои ключи шифрования данных, и аккаунты покупателей не оставляют цифрового следа, они так же не

привязаны к каким-либо идентификационным данным клиента — один человек может легко иметь несколько аккаунтов, либо действовать через доверенных лиц;

3) Сложность превенции преступления. Так как все «сделки» по продаже наркотиков перешли в онлайн-режим, невозможно арестовать диллера-распространителя на месте преступления, ведь покупка-продажа происходит в интернете, без личного контакта, практически мгновенно. Остается лишь возможность задерживать покупателей при «снятии клада» — то есть, во время поиска обозначенного диллером места, в котором оставлена предполагаемая покупка;

4) Привлечь к ответственности по существующим в УК статьям организаторов маркетплейса будет сложно — ведь они не участвуют в транзакциях самостоятельно, а лишь создают среду для удобного поиска поставщиками клиентов и наоборот. Опять же, встает вопрос об идентификации «крупных игроков» и руководителей теневого рынка;

5) Затруднение деятельности правоохранительных органов. Сбыт наркотиков с использованием электронных платежных систем позволяет преступникам затруднить реализацию некоторых оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками правоохранительных органов (например, проверочная закупка). Также становится бесполезной распространенная практика внедрения в преступную среду поставщиков и диллеров наркотических средств оперативного сотрудника под прикрытием;

6) Недостоверная статистика. МВД ведет свою собственную статистику по количеству преступлений, связанных с оборотом, хранением и продажей наркотиков, Минздрав анализирует количество наркозависимых граждан и смертность, вызванную этой причиной — однако, официальная статистика рассчитана лишь на зарегистрированные случаи, на тех граждан, которые попали в наркодиспансер, либо были задержаны сотрудниками правоохранительных органов. Данная статистика не распространяется на людей, употребляющих и покупающих наркотики нерегулярно, чье количество растет и не отображается в официальных отчетах;

7) Распространение пропаганды и рекламы наркотиков. В даркнете не существует функции «пожаловаться на неприемлемый контент», таким образом, навязчивая реклама, в том числе, наркотиков, легко находит своего зрителя. Огра-

ничить действия распространителей такой рекламы не представляется возможным.

Отдельно хотелось выделить тот факт, что деятельность по отмыванию доходов, полученных путем подобной незаконной деятельности существенно упрощается. Электронные деньги легко обращаются в наличные, не неся при этом за собой никаких рисков, в отличие от бумажных денег.

Подводя итоги, целесообразно будет рассмотреть также исследование российского новостного источника, содержащее новейшую статистику в части наркотрафика в РФ. Так, в нашей стране наблюдается бурный всплеск популярности синтетических «местных» наркотиков, синтез которых происходит в мелких и средних лабораториях практически повсеместно. Этот скачок в спросе источник объясняет закрытием прежних каналов поставок наркотического сырья — ранее это происходило, в основном, через порты Прибалтики. Однако, уменьшение импортного «товара» на теневом рынке отнюдь не говорит об улучшении ситуации в целом. В 2018 году было осуждено 685,3 тысячи человек по 228 статье УК РФ, однако лишь 19 тысяч из них было осуждено за сбыт наркотиков. Большинство осужденных получили сроки за покупку, либо за распространение. Впрочем, согласно сведениям государственных СМИ, статистика по количе-

ству преступлений, совершенных по вышеупомянутой статье, снизилась в последние два года чуть ли не на четверть. Напрашивается закономерный вопрос: россияне действительно стали употреблять меньше или же раскрываемость преступлений в этой части ухудшилась?

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что регулирование электронных платежей в части лимитов на отдельные транзакции, а также неполная статистика и достаточно старомодный подход к анализу обращаемости сумм на теневых рынках являются недостаточными для эффективной борьбы с наркоторговлей на территории России. Однако не имеет смысла «запрещать» электронные деньги в целом, необходимо в первую очередь усовершенствовать регулирование неперсонифицированных денежных средств. Также, следует понимать, что возможно оплатить покупку наркотиков онлайн, но невозможно поставить их через интернет покупателю и тем более ввезти в страну, не найдя с наркотическим продуктом в личном контакте. Этот факт подтверждает необходимость более пристального анализа диллерских схем: способов поставки наркотического сырья в РФ. Именно оттачивание методики в этой сфере является гораздо более важной, чем ужесточение законодательства в части электронных денежных средств.

Библиографический список

1. «Глоссарий терминов, используемых в платежных и расчетных системах» (утв. Комитетом по платежным и расчетным системам Банка международных расчетов, Базель, Швейцария, март 2003 г.)// СПС Легалакт [Электронный ресурс];
2. «TNS: электронные деньги для оплаты за последние полгода использовали 46% россиян», 2019 год// СМИ Банки.ру, URL — www.banki.ru;
3. «Глава ULS Global Игорь Хавронов получил более 7 лет тюрьмы за контрабанду», 15 июня 2018 года// СМИ Росбалт [Электронный ресурс];
4. «Госнаркоконтроль: электронные деньги используются для наркоторговли», 2011 год// СМИ Банки.ру. URL — www.banki.ru;
5. «Исследование рынка электронных денег АКИТ», 2018 год// СМИ Лента.ру, URL — www.lenta.ru;
6. «Россия под наркотиками», независимое расследование СМИ Лента.ру, 2020 год// СМИ Лента.ру, URL — www.darknark.lenta.ru;
7. «Цикл «Подпольная Россия»: Вся эта дурь. Исследование о том, на чем сидит Россия», Андрей Дорожный, Артур Хачатурянц, 25 июля 2019// СМИ Проект.медиа, URL — www.proect.media.com;
8. Отчет за 2018 год, Судебный департамент ВС РФ// газета Коммерсантъ, май 2018 года, № 5(12);
9. Роль и место электронных платежных систем в незаконном обороте наркотиков на территории Российской Федерации, О. Н. Корчагин, Вестник Сибирского юридического института ФСКН России, № 2 (11), 2012 г.;
10. Федеральный закон Российской Федерации № 161-ФЗ г. «О национальной платёжной системе» от 27 июня 2011 года// СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс];
11. Электронные деньги в России: современное состояние и проблемы развития, Т. Г. Бондаренко, Е. А. Исаева, Статистика и экономика, Т. 13. № 5. 2016 год;

12. DIRECTIVE 2009/110/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 16 September 2009 on the taking up, pursuit and prudential supervision of the business of electronic money institutions amending Directives 2005/60/EC and 2006/48/EC and repealing Directive 2000/46/EC (Text with EEA relevance)// Eur-lex of European Union [Электронный ресурс].

УДК 34.01

DOI: 10.14451/2.155.21

ПРАВОВОЕ САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ВИД ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2021 Петрик Анжелика Сергеевна

аспирант

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

E-mail: petrik.yurist.irk@mail.ru

Статья посвящена вопросам определения правовой природы правового саморегулирования. В целях ответа на поставленный вопрос автором исследованы соотношение признаков правового регулирования и правового саморегулирования, а также соотношение элементов их механизмов.

Таким образом, в статье сформулирован тезис о том, что правовое саморегулирование является видом правового регулирования.

Ключевые слова: правовое регулирование; саморегулирование; правовое саморегулирование; механизм правового регулирования; механизм правового саморегулирования; предмет правового саморегулирования; метод правового саморегулирования; пределы правового саморегулирования; признаки правового саморегулирования.

Правовое саморегулирование, как инструмент упорядочения отдельных видов общественных отношений, в последние десятилетия получает широкое распространение как в теории права, так и в практической юридической деятельности.

Понятие саморегулирования в контексте способа регулирования общественных отношений является относительно новым и проработано в меньшей степени, нежели классические регуляторы общественных отношений. В связи с чем представляет интерес вопрос о правовой природе саморегулирования.

Рассмотрим для начала сам термин «саморегулирование» безотносительно к праву. Существуют широкий и узкий подходы к его определению.

В широком смысле под саморегулированием понимается наличие в определенной системе элементов свойств, позволяющих самостоятельно, без воздействия извне, устанавливать, поддерживать желаемый режим своего функционирования и реагировать на внешние воздействия.

Использование термина «саморегулирование» в узком смысле применительно к отдельным отраслям науки и общественной жизни, среди которых, экономика, право, социология, позволило многим ученым не только выявить особенности саморегулирования, которые свойственны определенной области научного познания, но и, как следствие, дать определение саморегулированию с позиции той или иной науки.

Так, с точки зрения юридической науки, саморегулирование является одной из форм индивидуального правового регулирования.

Под индивидуальным правовым регулированием понимают такое правовое воздействие на общественные отношения, которое связано с установлением, изменением или прекращением юридических прав и обязанностей их участников в индивидуальном порядке, направлено на урегулирование конкретных ситуаций, требующих юридического разрешения, и осуществляется путем совершения односторонних правомерных юридически значимых действий или заключения договоров либо властной правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов, в процессе которого создаются индивидуальные правовые акты [3, с. 42].

Нормы права крайне редко распространяются на всех субъектов без исключения. Предпосылки индивидуального правового регулирования посредством правовой персонификации закладываются законодателем еще на уровне нормативного правового регулирования [4, с. 69].

Являясь формой индивидуального правового регулирования правовое саморегулирование в узком смысле представляет собой самостоятельную и инициативную деятельность субъектов для достижения своих целей в рамках законодательства, направленную на упорядочение конкретных общественных отношений посредством создания индивидуально-правового предписания [1, с. 48].

В данном случае важно отметить, что индивидуально-правовое предписание здесь предполагает не акт правоприменения, направленный на конкретный субъект правоотношения, а определенный акт, хотя и не обладающий признаком нормативности в полной мере, но сохраняющий обязательность для круга лиц (как определенного, так и не определенного), сформированного по какому-либо общему критерию: общие цели, проблемы, сфера профессиональной деятельности и т.д.

В зависимости от таких критериев можно определить сферы общественных отношений, где регулятором выступает правовое саморегулирование.

В частности, саморегулирование становится одним из важнейших способов регулирования предпринимательской деятельности.

Сфера предпринимательских правоотношений регулируется посредством норм саморегулирования не только в силу волеизъявления их субъектов, но и поскольку существует прямое указание законодателя на возможность и должность применения саморегулирования для этой сферы.

Так, согласно статье 2 Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил [4].

Данное определение распространяется лишь на прямо определенный круг общественных отношений, в связи с чем в целях настоящего исследования сохраняет свою актуальность понятие саморегулирования, предлагаемое наукой государства и права.

Объединяя вышеизложенные подходы к определению правового саморегулирования, полагаем возможным уточнить понятие правового саморегулирования следующим образом.

Правовое саморегулирование в юридической науке представляет собой одну из форм индивидуального правового регулирования, для которой характерно осуществление правового регулирования без государственного вмешательства, путем самостоятельной и инициатив-

ной деятельности субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности, а также лиц, объединенных иными общими целями и/или признаками, для упорядочения конкретных общественных отношений, связанных с деятельностью данных субъектов, и обязательное для них.

Данное определение отражает юридический подход к понятию саморегулирования, также его можно назвать узким.

В широком смысле в рамках юридического подхода следует понимать любую деятельность субъектов, направленную на урегулирование их отношений путем установления определенных правил за рамками государственного вмешательства или при его минимальном проявлении.

Комплексный анализ определений позволяет выделить следующие его признаки:

- Правовое саморегулирование — это самостоятельная (без внешнего воздействия) и инициативная деятельность субъектов.

Данный признак следует рассмотреть в два этапа. Во-первых, он означает, что саморегулирование — это деятельность, то есть для его реализации соответствующий субъект осуществляет ряд действий, объединенных единой целью. Во-вторых, это деятельность самостоятельная и инициативная, что означает, что для ее осуществления не требуется какого-либо указания вышестоящего лица, органа или организации, равно как и не осуществляется контроль за такой деятельностью.

- Цель саморегулирования — упорядочение конкретных общественных отношений. Саморегулирование не возникает в отрыве от конкретных общественных отношений, не может распространяться на неопределенный круг лиц и неопределенное количество повторяющихся ситуаций, акты саморегулирования издаются соответствующими субъектами при необходимости урегулирования ими конкретных общественных отношений, возникающих по поводу связи вышеуказанных субъектов.

- Итог саморегулирования — создание индивидуально-правового предписания. Как указывалось выше, саморегулирование является деятельностью. Ее итогом становится издание индивидуально-правового акта, в котором отображаются способы регулирования общественных отношений в той сфере, для которой данный акт разрабатывается, а также для субъектов, деятельность которых подпадает под данный акт.

- Саморегулирование осуществляется в сфере права, что характеризует его именно как правовое саморегулирование.

- Обязательность для конкретного круга лиц (как индивидуально-определенного, так и нет), сформированного по какому-либо общему критерию: общие цели, проблемы, сфера профессиональной деятельности и т.д.

Дополнительно из легального определения саморегулирования выделяются следующие признаки.

- Саморегулирование осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности. Данный признак, отраженный в Федеральном законе «О саморегулируемых организациях», означает что в контексте данного нормативного акта саморегулирование распространяется только на сферу предпринимательской и профессиональной деятельности. Для целей настоящего исследования указанный признак следует изложить расширительно, с учетом теоретического определения понятия «саморегулирование», что означает увеличить круг субъектов правового саморегулирования, включив сюда не только субъекты предпринимательской и профессиональной деятельности, но также субъекты гражданских и трудовых правоотношений, ряд субъектов публичного права и надгосударственные образования.

- Саморегулирование как специальная деятельность выражена в разработке стандартов такой деятельности, их установление и контроль за соблюдением. Данный признак дополняет положение о том, что итогом саморегулирования выступает индивидуально-правовое предписание в конкретной сфере. Так, из легального определения саморегулирования следует, что данное предписание не только должно быть разработано, но также его действие подлежит обязательному распространению на всех субъектов, причастных к соответствующей группе лиц, то есть такие субъекты должны быть извещены о наличии соответствующего предписания, а также о необходимости его соблюдать, что обеспечивается контролем создавшего такое предписание субъекта.

Исходя из чего можно сделать вывод о том, что правовое саморегулирование находит место в системе правового регулирования как его вид, сочетающий в себе основные признаки правового регулирования, а также имеющий ряд соб-

ственных признаков, позволяющих индивидуализировать его.

Из анализа системы правового регулирования следует, что оно включает в себя два самостоятельных вида: нормативное и индивидуальное правовое регулирование, при этом индивидуальное регулирование включает в себя автономное, координационное и субординационное регулирование. В виду наличия у первых двух видов такого признака, как возможность его субъектов самостоятельно определять линию своего поведения, они, объединяясь, образуют правовое саморегулирование, что позволяет определить место правового саморегулирования в системе правового регулирования как подвид одного из двух основных видов правового регулирования. Самоорганизация при этом является самостоятельным правовым явлением и не относится к системе правового регулирования, существует самостоятельно, в определенной взаимосвязи с правовыми методами регулирования общественных отношений.

Несмотря на новизну понятия правового саморегулирования и его меньшую в сравнении с иными общественными регуляторами научной проработанностью, оно имеет свои теоретические характеристики.

К элементам механизма правового саморегулирования относятся предмет, методы, типы, пределы правового саморегулирования.

Также в качестве характеристик правового саморегулирования можно назвать стадии создания и действия норм правового саморегулирования, цели правового саморегулирования.

Сравнительная характеристика механизма правового регулирования и правового саморегулирования демонстрирует, что отличия между правовым регулированием и правовым саморегулированием отсутствуют в отношении предмета, способов внешнего выражения норм правового регулирования и саморегулирования, а также порядка действия таких норм.

В иных критериях для сравнения присутствует ряд отличий. Так, к ключевым отличиям целей правового регулирования и саморегулирования относится то, что саморегулирование призвано обеспечить представление отдельных групп субъектов, распространено лишь в отдельных сферах общественной жизни или их частях.

Из общего сравнительного анализа характеристик правового регулирования и саморегулирования, и с учетом положений о соотношении

категорий общего и целого, следует, что правовое саморегулирование является одним из видов правового регулирования.

Вышеизложенные характеристики правового саморегулирования являются отправными началами теоретического анализа правового

саморегулирования как самостоятельного вида правового регулирования, дают основания для более детальной теоретической проработки соответствующего способа регулирования общественных отношений.

Библиографический список

1. *Лескова Ю.Г.* Саморегулирование как экономическое и правовое явление // Журнал российского права. 2011. № 5. С. 48–56.
2. *Минникес И. А.* Об индивидуальной норме и индивидуальном правовом регулировании // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 69–74.
3. *Минникес И. А.* Понятие правовой персонификации (к проблеме индивидуального правового регулирования) // Известия Байкальского государственного университета. 2006. № 6. С. 42–45.
4. О саморегулируемых организациях: Федер.закон Рос.Федерации от 01 декабря 2007 г. N 315-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 16 нояб. 2007 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 23 нояб. 2007 г. // Рос. газ.— 2007.— 06 декабря. N 273

МЕХАНИЗМ «РЕГУЛЯТОРНОЙ ГИЛЬОТИНЫ» В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

© 2021 Рыжикова Екатерина Викторовна

студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации, Россия, Москва

E-mail: 1012809@mail.ru

Механизм «регуляторной гильотины» внедряется с 2019 года. В статье анализируется существующая система нормативно-технических актов в строительной сфере, предпосылки к её реформированию. Изучены итоги создания обновлённой нормативной правовой базы на 1 января 2021 года и проблемы в осуществлении механизма «регуляторной гильотины». Сделан вывод о необходимости пролонгации внедрения механизма.

Ключевые слова: регуляторная гильотина, реформа контрольно-надзорной деятельности, контрольно-надзорные органы, система обязательных требований, нормативная правовая база, сфера строительства, предпринимательская деятельность, малый и средний бизнес, правовое регулирование.

С целью создания благоприятного делового климата, исключения избыточной нагрузки на бизнес и повышения уровня общественной безопасности в 2014–2015 годах была начата реформа контрольно-надзорной деятельности. Необходимость в ней назревала уже давно, ведь сложившаяся ситуация неблагоприятна для всех акторов в различных сферах жизнедеятельности: бизнес страдает от неоправданно высоких административных барьеров, граждане высказывают опасения по поводу своей незащищённости, должностные лица органов контроля и надзора злоупотребляют своими полномочиями, а государство тратит огромные средства на проверки сомнительного качества [4].

Одним из этапов реформы является введение механизма «регуляторной гильотины», который начался в 2019 году. Он заключается в пересмотре действующей нормативной правовой базы и разработке новых структур нормативного регулирования для каждой сферы общественных отношений или вида государственного контроля (надзора) [2]. Потому что, если в стране не существует непрерывного институционального механизма модернизации системы контроля и надзора, то образуется острая необходимость в создании обновлённой системы понятных, доступных, дополняющих друг друга требований, в отношении как предпринимательской деятельности, так и контрольно-надзорных органов [7].

Актуальность такого механизма обусловлена существованием в нашей стране огромного ко-

личества дублирующих, избыточных, противоречивых, устаревших или фактически «спящих», не применяющихся на практике обязательных требований для предпринимателей, многие из которых приняты ещё во времена СССР и РСФСР. Всего насчитано около 221 видов госконтроля, 9 тысяч нормативных правовых актов в этой сфере и более 2 миллионов обязательных требований [6].

Впервые идея «регуляторной гильотины» была озвучена в 1980 году в Швеции и подразумевала пересмотр за короткий срок всех негативно сказывающихся на бизнес норм с их быстрой последующей отменой. После этого успешного опыта «гильотина» стала активно применяться во многих других странах как часть реформы контрольно-надзорной деятельности.

Удачным был также опыт Южной Кореи, в которой меньше чем за год была отменена половина избыточных норм, а именно 6 тысяч, что способствовало экономическому росту, притоку инвестиций и созданию около миллиона новых рабочих мест [8].

На основе результатов, которые показали Швеция и Южная Корея, компания Jacobs, Cordova & Associates разработала современный механизм «регуляторной гильотины», включающий следующие этапы: определение цели механизма Правительством, определение ведомствами списка подлежащих замене норм, их оценка экспертами, составление окончательного реестра нормативных правовых актов и создание,

при необходимости, новых актов, дополняющие ранее выпущенные [1].

Во исполнение реформы контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации была утверждена «дорожная карта» по реализации «регуляторной гильотины», в рамках которой был разработан Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», который вступил в силу 1 ноября 2020 года (за исключением некоторых положений) и призван определить правовые и организационные основы установления и оценки применения содержащихся в нормативных правовых актах требований, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, осуществляющиеся в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы. Им также предусмотрена реализация механизма «регуляторной гильотины». Также был разработан Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который вступит в силу 1 июля 2021 г. Он призван сократить давление на бизнес, а также помочь восполнить отсутствие системности в законодательстве в сфере контроля и надзора, за счёт закрепления порядка проведения контрольно-надзорных мероприятий, прав подконтрольных лиц и введения новых инструментов для снижения административной нагрузки.

Помимо этого, систематизировать актуальные обязательные требования и контрольно-надзорную систему в целом поможет создание единого реестра видов федерального государственного контроля (надзора), регионального государственного контроля (надзора), муниципального контроля, который начнёт работу с 1 июля 2021 года. Отсутствие вида контроля в данном реестре укажет на невозможность проведения такого мероприятия.

Существующая система нормативно-технических документов в строительной сфере на протяжении многих лет является серьёзным препятствием для внедрения современных, инновационных технологий и материалов при проектировании и строительстве. Назрела острая необходимость в сокращении избыточных ад-

министративных барьеров с сохранением и повышением уровня общественной безопасности.

В начале 2000-х годов большое количество стандартов и нормативов носили лишь рекомендательный характер, что способствовало путанице и нарушениям. Было принято отвечающее сложившейся ситуации решение перевести пакет стандартов в режим обязательных. По этой причине до 1 августа 2020 года предъявлялось более 10 тысяч обязательных требований к зданиям и сооружениям на стадии проектирования и строительства. Все они создавались с целью защиты народа страны от недобросовестных застройщиков и некачественных проектов. Однако, решение верное в те годы, подлежит незамедлительному пересмотру в нынешний период развития методик работы в сфере строительства, в особенности в связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией. Поэтому в мае 2020 г. Президент Российской Федерации Путин В.В. заявил на совещании по строительству медицинских центров для борьбы с пандемией об острой необходимости кардинальных изменений в стандартах строительства.

Например, неоднозначное требование содержится в Инструкции по приёмке, хранению, отпуске, транспортированию и учёту этилового спирта, утверждённой Минпищепромом в СССР от 25 сентября 1968 года. В ней устанавливаются особые требования к спиртохранилищам. Одним из таких требований является запрет на отбелку стен и в случае выявления его нарушения контролирующий орган должен привлечь виновника к ответственности [3].

Более того, как отмечает Руководитель Департамента градостроительной политики Москвы Сергей Левкин, в устаревшей редакции технического регламента от 2014 года не учитывались действенные лучшие практики конкурентных систем стандартизации данной сферы Евросоюза, КНР, США и Японии. Наша страна нуждается во внедрении новых технологий проектирования и строительства для повышения вариативности применяемых проектных решений, что можно осуществить, в том числе, за счёт снижения числа обязательных требований.

Благоприятную почву для бюрократизма и дублирующих требований создаёт также ситуация, в которой требования в строительстве устанавливают 7 федеральных органов власти. Поэтому необходимо исключение излишних требований, которые приводят к коллизии с ана-

логичными документами в других органах и задержках сдачи объектов в эксплуатацию.

Все перечисленные выше проблемы присущи не только строительству, но и сфере контроля. В аналитическом докладе РСПП от 2016 года они систематизируются следующим образом:

1. Существование «советских» актов, а также устаревших актов, которые уже не используются, но формально не отменены;

2. Размытие грани между обязательными актами, и актами, подлежащими добровольному применению;

3. Наличие дублирующих и противоречащих друг другу требований в различных нормативных правовых актах.

Поэтому летом 2020 года было подписано Постановление Правительства от 04.07.2020 N 985, согласно которому порядка 30% ГОСТов, СНиПов и других обязательных требований в сфере строительства стали рекомендательными. Так, количество обязательных требований снизилось с 10 тыс. до около 7 тыс. Оставленные в качестве обязательных остальные 70% будут переработаны, чтобы стать более комфортными для строительной среды. Предполагается, что данные меры помогут повышению качества строительства, его ускорению и упрощению всех процедур. По словам заместителя министра строительства и ЖКХ России, Дмитрия Волкова, структура перечня требований осталась прежней — в него включены 74 свода правил (СП) и 4 государственных стандарта (ГОСТ) с измененной нумерацией.

Правительством Российской Федерации была проведена проверка всей нормативно-правовой базы контрольно-надзорной деятельности федерального уровня, в том числе в сфере строительства, и с 1 января 2021 г. заработала новая система контрольно-надзорного законодательства. Обозначены следующие основные изменения в законодательстве:

1. В рамках «регуляторной гильотины» были отменены также прежние правила аттестации на право подготовки заключений экспертизы проектной документации и (или) результатов инженерных изысканий. Постановлением Правительства от 31 декабря 2020 г. N 2460 установлен новый порядок в форме тестирования, письменного экзамена и собеседования (ранее было закреплено только тестирование и экзамен в устном виде), которые с 1 января 2022 г. смогут проводиться в дистанционном формате,

если такое желание будет изъявлено со стороны претендента.

2. Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2020 г. N 2243 утвердило новые правила аккредитации для юридических лиц на получение права проведения негосударственной экспертизы проектной документации и (или) негосударственной экспертизы результатов инженерных изысканий, а также порядок введения реестра получивших аккредитацию организаций на сайте Росаккредитации. Выписки из этого реестра будут направляться в электронном и бумажном виде только аккредитованным лицам, а с 2022 г. полностью перейдут на электронный формат.

3. До 2025 г. Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации установлены новые правила по охране труда при строительстве, реконструкции и ремонте в связи с приказом N 883н от 11 декабря 2020 г.

4. Перестали действовать более 30 нормативных актов и отдельных положений, содержащих требования по контролю в сфере строительства и ЖКХ, изданных с 2010 по 2020 годы. Например, отменено Постановление об утверждении стандарта раскрытия информации управляющими организациями, так как фактически он утратил силу. Он предполагал, что организации обязуются публиковать отчёты по многоквартирным домам на сайте, определенным ведомством, но по Жилищному кодексу уже с 2017 года управляющие компании размещают эти сведения на сайте ГИС ЖКХ.

5. Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 30 ноября 2020 г. N 734/пр «Об утверждении Порядка разработки и согласования специальных технических условий для разработки проектной документации на объект капитального строительства» установил, что проводить разработку специальных технических условий нужно в соответствии с техническим заданием либо заказчика, либо застройщика, либо заинтересованного лица проектной организации. Далее они согласовываются с Министерством строительства и ЖКХ в течение 20 рабочих дней. Если это технические условия для капитального строительства федеральных ядерных организаций, то согласование происходит с Росатомом [5].

Совершенствование нормативной правовой базы является одной из важнейших мер общенационального плана по восстановлению

экономики, поэтому работа в данном направлении продолжается. В Послании Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 года Путин В. В. отметил: «Мы уже списали в утиль многие архаичные нормы и требования в строительстве и других отраслях, отказались от массы ненужных контрольных проверок. Но нужно наращивать набранный темп, и результат в улучшении делового климата должен быть предметным, понятным, осязаемым. Построить завод под ключ в России должно быть быстрее, значительно выгоднее и проще, чем в других регионах мира, в том числе и в странах с развитой экономикой».

Поэтому в соответствии с поручением Президента Российской Федерации было предложено сократить количество обязательных требований в сфере строительства ещё на треть. Согласно разработанному документу, 1 сентября 2021 года перечень обязательных требований в строительстве будет сокращен более чем на 3,8 тыс. пунктов стандартов и сводов правил, и будет действовать до 1 сентября 2027 года.

К сожалению, несмотря на все ударные меры по развитию и поддержке бизнеса в нашей стране посредством реформы контрольно-надзорной деятельности и «регуляторной гильотины» в частности, существует огромное множество факторов, препятствующих этому. Пока ещё сложно предсказать результаты запланированной реформы, так как её реализация может затянуться до 2023 года, в том числе в связи со сложностями пандемии. Однако уже сейчас проявляются основные проблемы в осуществлении механизма «регуляторной гильотины», коснувшиеся всех реформируемых сфер, которые не обошли стороной и область строительства:

1. Возникновение «правового вакуума». То есть ситуация отмены старых нормативных правовых актов без своевременной разработки и выпуска новых, что создаёт пробелы в законодательстве. Для решения этой проблемы необходимо не отменять наиболее важные для бизнеса акты и требования, а также те, которые были изданы после 1 января 2020 года.

2. Возникновение противоречий между позициями контрольных органов, представителями крупного бизнеса и представителями мелкого бизнеса. Так как каждый субъект будет отстаивать сугубо свою точку зрения, для решения данной ситуации необходимы чётко сформулированные процедуры преодоления лоббистских устремлений.

3. Не до конца понятно, какой будет результат перевода обязательных требований в разряд «добровольных». Тем самым ставится под сомнение обоснованность соответствия требованиям построенного сооружения, а также эта мера может провоцировать халатность со стороны застройщиков. Однако всё же предполагается, что новый перечень наоборот будет позволять в полной мере соблюсти положения основополагающего технического регламента о безопасности зданий и сооружений.

4. Существование «нужных» советских норм. Советские законодатели создали несколько десятков разных нормативных правовых актов, которые отличались различным качеством и проработкой. Антимонопольные органы постоянно используют ГОСТы и СНИПы с нормами времён советского периода для сверки имеющейся ситуации с нормативным обеспечением (решения Краснодарского УФАС РФ от 22.11.2018 № ЭА-1891/2018, Челябинского УФАС РФ от 15.10.2018 № 630-ж/2018 и многие другие).

5. Нельзя забывать и про имеющиеся коррупционные риски в органах государственной власти и местном самоуправлении, которые могут серьёзно повлиять на проведение реформы. Добавляется также фактор недоверия к органам власти со стороны граждан страны в связи с высокой коррумпированностью российских чиновников, граждане нашей страны выказывают сильное недоверие ко всем органам власти, соответственно, отсюда вытекает нежелание сотрудничать и способствовать проведению реформы. Создание прозрачной и понятной системы требований должно позволить снизить данный риск, так как представителям бизнеса будет проще и выгоднее их соблюдать.

По причине обозначенных проблем на данном этапе механизма «регуляторной гильотины» нельзя отметить кардинальные изменения в работе хозяйствующих субъектов в области строительства, ведь переход на облегчённые требования в существующих условиях займет 5–7 лет. Поэтому работа в обозначенном направлении должна продолжаться, а также необходимо вводить новые мероприятия по улучшению делового климата.

Таким образом, несмотря на огромную работу, которая была проделана для улучшения делового климата в сфере строительства, выявляются новые недостатки устаревшей системы и новые сложности по их устранению, которые проана-

лизированы в статье. Отмечено, что возрастает необходимость экстраполяции и пролонгации реформы. Поэтому в полной мере оценить результаты проведения механизма «регуляторной гильотины» можно будет только тогда, когда полностью завершатся все его этапы и появится правоприменительная практика новой системы обязательных требований.

Масштаб реформы не имеет аналогов, а с учётом вышеназванных проблем в осуществлении, высказываются сомнения в её успехе. Однако, уже то, что представители органов государственной власти нашей страны обратили внимание на необходимость перестройки нормативной пра-

вовой базы контрольно-надзорной деятельности, в частности, в строительной сфере, а также имеющиеся положительные изменения, безусловно, способствует налаживанию диалога между государством, бизнесом и экспертами. «Регуляторная гильотина» вызвала общественный резонанс среди хозяйствующих субъектов, так что широкое экспертное обсуждение будет способствовать выработке единой позиции делового и экспертного сообщества, направленной на снижение контрольно-надзорной нагрузки на бизнес. Важно соблюдать баланс интересов всех участников контрольно-надзорной деятельности.

Библиографический список

1. *Александров О.В.* «Регуляторные гильотины»: международный опыт устранения препятствий для бизнеса и инвестирования // *Торговая политика*. 2019. № 1 (17);
2. *Артеменко Е.А.* «Регуляторная гильотина»: анализ проектов новых структур нормативного регулирования // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2021. № 1;
3. *Волкова А.Н.* «Регуляторная гильотина» и практика судов разных уровней по применению устаревших советских регламентных норм // *Нормирование и оплата труда в строительстве*. 2020. № 4;
4. *Иванова В.Н., Серегин С.Н.* Реформа контрольно-надзорной деятельности: интересы государства и бизнеса // *Пищевая промышленность*. 2017. № 6;
5. Изменения в законодательстве, вступившие в силу 1 января 2021 года // *Юрист ВУЗа*. 2021. № 2. С. 26–41;
6. *Мартынов А.В.* Перспективы применения механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности // *Вестник ННГУ*. 2019. № 5;
7. *Чепунов О.И.* Некоторые проблемы «Регуляторной гильотины» // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2020. № 1;
8. *Choi, D., Kim, P.S.* Regulatory Reform at a Critical Time: the Case of the Republic of Korea // *Public Organization Review*. 2017. 17(2), с. 315–334.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО;
БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО**

УДК: 347.73
ГРНТИ: 10.21.63

DOI: 10.14451/2.155.33

НОВЫЙ ВИТОК РАЗВИТИЯ ПОЛИТИКИ УДОБСТВА И ПРОСТОТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАЛОГОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ

© 2021 Фаткина Екатерина Алексеевна

студент-бакалавр направления «Юриспруденция»

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург

E-mail: ek.fatkina@yandex.ru

В статье анализируется Определение Верховного суда РФ от 23.11.2020 № 305-ЭС20–2879, в котором Суд пришел к выводу о незаконности начисления пени за период после подтверждения переплаты до фактического принятия решения о зачете к налогоплательщику, своевременно представившему заявление о зачете переплаты. Представлена проблематика механизма исполнения налоговой обязанности в свете принципа удобства, простоты и экономичности исполнения обязанности.

Ключевые слова: пеня; зачет; принцип удобного, простого, экономичного исполнения налоговой обязанности; Определение Верховного суд РФ от 23.11.2020 № 305-ЭС20–2879.

23 ноября 2020 года Верховный Суд РФ принял Определение № 305-ЭС20–2879, в котором признал, что начисление пени за период после подтверждения переплаты до фактического принятия решения о зачете к налогоплательщику, своевременно представившему заявление о зачете переплаты, противоречит правовой природе данной меры государственного принуждения, определенной в главе 11 Налогового кодекса РФ, как средства обеспечения исполнения налоговой обязанности.

Суды нижестоящих инстанции придерживались иной точки зрения. Они исходили из буквального толкования статей 44, 75, 78, 88 Налогового кодекса РФ, согласно которым инспекция правомерно начислила пени по налогу на добавленную стоимость за период, когда установленный законодательством срок на уплату налога истек, но решение о зачете переплаты, образовавшейся по налогу на прибыль организации, еще не было принято.

Согласно ст. 75 Налогового кодекса РФ пеня — это денежная сумма, которую налогоплательщик должен выплатить в случае уплаты налога в более поздние по сравнению с установленным законом сроки. Но при этом Конституционный Суд в Постановлении от 17.12.1996 № 20-П отмечает, что пеня — это дополнительный платеж, который компенсирует потери государственной казны в результате недополучения налоговых сумм в случае задержки уплаты налога. Также сам Верховный Суд РФ в анализируемом деле

отмечает, что пеня стимулирует налогоплательщика исполнять обязанность по уплате налога в срок.

Налогоплательщик выполнил все требования, чтобы переплата по налогу на прибыль была зачтена в счет текущих платежей по НДС, чтобы налоговый орган был осведомлен о переплате, чтобы обязанность по уплате налога была исполнена. Налогоплательщик заблаговременно (до наступления срока уплаты налога) представил заявление о зачете. Таким образом, налоговая обязанность должна была быть осуществлена добровольными и разумными действиями самого налогоплательщика. Однако, несмотря на это, налоговый орган начислил пени и поступил формально правильно, потому что это следует из пп. 4 п. 3 ст. 45 Налогового кодекса РФ. Так как на крайний срок исполнения обязанности налог не был уплачен, то налоговый орган начислял пеню до дня принятия решения о зачете, то есть пеня начислялась только пару дней.

Следуя положениям Налогового кодекса РФ, налогоплательщику следовало уплатить налог на добавленную стоимость, а затем требовать возврат уплаченного налога при условии, что на тот момент в бюджете уже имелась необходимая денежная сумма для исполнения налоговой обязанности в виде переплаты. Для налогоплательщика эта система исполнения обязанности неудобна, так как ему необходимо дополнительно перечислять денежные средства на счет соответствующего бюджета, а затем подавать

еще одно заявление о возврате излишне уплаченного налога. Это обременительно для налогоплательщика с финансовой стороны, так как у него может не быть необходимой суммы. Поэтому Верховный Суд РФ справедливо ссылается на приказы ФНС от 28.11.2014 № ММВ-7-12/607@ и от 28.11.2019 № ММВ-7-19/598@, в которых одним из тезисов налоговой политики является: «Налоги — просто и удобно — исполнение налоговых обязательств без лишних затрат и усилий, как часть повседневной деятельности налогоплательщика».

Таким образом, в рассматриваемом деле наблюдается столкновение двух позиций:

1) Пени, как обеспечение исполнения обязанности, начисляется при неуплате налога в срок. В данной ситуации неважно, по какой причине не была исполнена обязанность. В Налоговом кодексе РФ прописан механизм исполнения данной обязанности при наличии недоимки и переплаты, которому и следует налоговый орган. Данный механизм не предусматривает возможность заранее исполнить обязанность, если производится камеральная проверка, потому что согласно ст. 78 Налогового кодекса РФ вопрос о принятии решения о зачете сумм излишне уплаченного налога будет рассмотрен после завершения камеральной налоговой проверки по налогу на прибыль либо с момента, когда такая проверка должна быть завершена в соответствии со ст. 88 Налогового кодекса РФ. Неважно, что отложение инспекцией принятия решения о зачете вызвано организационными вопросами налогового администрирования, а не действиями налогоплательщика. Данная конструкция обременительна для налогоплательщика.

2) В то же время Верховный Суд отходит от буквального толкования Кодекса и призывает налоговый орган быть более «гибким» по отношению к налогоплательщику и способствовать тому, чтобы у налогоплательщика не возникали дополнительные трудности при исполнении налоговой обязанности, в случаях добросовестного поведения последнего. Соответственно, не должна быть начислена пени. Об этом говорят и приказы ФНС, предусматривающие «политику удобства». Но для такой идеи Налоговым кодексом не предусмотрен механизм исполнения обязанности при условиях, в которых оказался налогоплательщик.

По мнению автора, данное Определение Верховного суда РФ стало новым толчком к раз-

витию в налоговой теории и практике принципа удобства и простоты исполнения налоговой обязанности. Это же направление было определено главой ФНС Даниилом Егоровым, который отметил, что основными составляющими процесса уплаты налогов в РФ должны стать неизбежность и комфорт. Для этого и необходимо создать «удобную модель».

Указанный принцип не закреплен в Налоговом кодексе РФ, но вопрос удобного, простого и экономичного исполнения налоговой обязанности тесно взаимосвязан с обязательностью уплаты законно установленных налогов. Для налогоплательщика, добровольно исполняющего возложенную на него обязанность, необходимо создать условия, которые бы не тяготили его даже в том случае, когда формально произошло нарушение налогового регулирования в следствие системы налогового администрирования. В классическом варианте, по А. Смитю, речь идет о минимизировании дополнительных материальных расходов на исполнение налоговой обязанности, в том числе и исходя из соотношения уплачиваемой суммы налога и осуществляемых расходов: «Каждый налог должен быть так устроен, чтобы он извлекал из кармана плательщика возможно меньше сверх того, что поступает в кассы государства». Другими словам, налог должен взиматься в такое время и таким способом, которые представляют наибольшие удобства для плательщика. Немаловажное значение имеет и роль государства, у которого не должно быть умысла на установление заведомо экономически выгодных для него условий исполнения налоговой обязанности (в том числе нарушения исполнения). Как показывают обстоятельства анализируемого Определения, нарушение налогового законодательства может стать следствием некачественного правового регулирования. Соответственно, пеня не могла быть начислена и потому, что налогоплательщик не смог справиться с возложенной на него обязанностью в силу предусмотренного Налоговым кодексом РФ механизмом.

В дальнейшем такая политика была закреплена в Приказе Федеральной налоговой службы, согласно которому реализация налоговыми органами своих властных полномочий, в том числе в случаях, когда Налоговый кодекс РФ предоставляет должностным лицам налоговых органов значительные сроки на совершение юридически значимых действий, не должно

противопоставляться правам и законным интересам налогоплательщиков, в том числе, интересам, связанным с исполнением обязанности по уплате налогов наиболее удобным способом как для казны, так и для самого плательщика, имея в виду сохранение суммы переплаты в бюджетной системе и освобождение налогоплательщика от необходимости привлечения денежных средств у третьих лиц для исполнения налоговой обязанности, их отвлечения из собственного хозяйственного оборота. Справедливо заметить, что налоговая служба распространяет политику удобства и простоты не только на исполнение обязанности налогоплательщиком, но и на государственный орган (казну), которому существующие механизмы затрудняют работу, а также добавляют очередную документацию

и действия.

Подводя итог, стоит отметить, что добровольность, простота, удобство — это принципы исполнения налоговой обязанности, в силу которых налогоплательщик сам совершает активные действия по исчислению и внесению суммы налога, поэтому законодательство должно предусматривать для этого самые разнообразные и удобные для самого налогоплательщика способы. Законодательное закрепление и практическое воплощение принципа удобства, простоты, экономичности исполнения налоговой обязанности в значительной степени облегчит жизнь всем участникам налоговых отношений. Вместе с тем, это позволит подкрепить стабильность и устойчивость налоговой системы.

Библиографический список

1. *Нансо М.Б.* Теоретические аспекты правового обеспечения удобной модели исполнения обязанности по уплате налогов // *Налоги.* — 2020. — № 5. — С. 17–22.
2. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатств народов. М., 1962. С. 614.
3. *Кривошапко Ю.* Новый глава ФНС озвучил ключевую задачу работы ведомства // *Российская газета.* 2020. 20 января. URL: <https://rg.ru/2020/01/20/novyy-glava-fns-ozvuchil-kliuchevuiu-zadachu-raboty-vedomstva.html>.
4. Письмо ФНС России от 01.02.2021 N БВ-4-7/1078@ <О направлении обзора правовых позиций, отраженных в судебных актах Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, принятых в четвертом квартале 2020 года по вопросам налогообложения // СПС КонсультантПлюс.
5. Приказ ФНС РФ от 28.11.2014 № ММВ-7-12/607@ «Об утверждении миссии и основных направлений деятельности ФНС»; Приказ ФНС от 28.11.2019 № ММВ-7-19/598@ «Об утверждении Миссии и Политики ФНС России в области качества на 2019–2021 годы» // СПС КонсультантПлюс.

ББК 67.402

DOI: 10.14451/2.155.36

УДК 34

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГРАНТА (СУБСИДИИ) АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2021 Федотова Анна Александровна

аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права
имени профессора Нины Ивановны Химичевой
Саратовская государственная юридическая академия, Россия, Саратов
E-mail: Ann_kach92@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы судебной правоприменительной практики применения бюджетных процессуальных норм в сфере субсидирования юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что субсидирующие органы в рамках проведения контрольных мероприятий зачастую неверно трактуют положения Соглашений о предоставлении субсидий во взаимосвязи с положениями действующих законодательных актов, в связи с чем арбитражными судами формируется практика по обоснованности признания контролирующими органами действий получателей субсидии в качестве нарушений, являющихся основаниями для возврата средств субсидии.

Ключевые слова: применение бюджетных процессуальных норм, условия предоставления субсидии, условия использования средств субсидии, нецелевое расходование бюджетных средств, принцип эффективности (результативности) использования бюджетных средств.

Анализ статистических сведений о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации свидетельствует об относительно не большом количестве споров, вытекающих из бюджетных правоотношений [1]. Однако, анализ судебной практики приводит к выводу о сложности и неоднозначности применения отдельных бюджетно-правовых норм, что неизбежно приводит к нарушению принципа единообразия судебной практики.

В рамках настоящего исследования предлагается обратить внимание на проблемы применения бюджетного законодательства при рассмотрении арбитражными судами споров, вытекающих из отношений по предоставлению грантов и субсидий из средств федерального, регионального или местного бюджета в рамках реализации соответствующих национальных целевых программ.

В финансово-правовой науке сложилось мнение о том, что «средства бюджета предоставляются физическим и юридическим лицам частно-правового статуса в рамках гражданско-правовых отношений» [2, С.89]. Однако из анализа судебной практики следует, что не смотря на то, что предоставление субсидии юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям

осуществляется на основании Соглашения, обладающего признаками гражданско-правового договора, тем ни менее при рассмотрении споров в сфере субсидирования суды применяют бюджетные процессуальные нормы, содержащиеся не только в Бюджетном кодексе РФ, но и в актах законодательных (исполнительных) органов субъектов РФ, определяющих порядок предоставления субсидий и грантов. Кроме того, не смотря на то, что в силу положений ст. 30 БК РФ получатели субсидий и грантов не являются получателями бюджетных средств, в отношении них проводятся контрольные мероприятия с применением бюджетных процессуальных норм не только по поводу соблюдения условий Соглашения, но и по проверке целевого расходования средств субсидии, которые по своей правовой природе являются средствами соответствующего бюджета.

Применение статей 38, 289, 306.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации обусловлено тем, что ими регулируется принцип целевого расходования бюджетных средств, действие которого не ограничивается правоотношениями, складывающимися только между участниками бюджетного процесса [3].

Таким образом, приходим к выводу о том,

что правовое регулирование отношений в сфере субсидирования хозяйствующих субъектов за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы РФ носит смешанный характер.

Предоставление субсидий юридическим лицам, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями, а также индивидуальным предпринимателям и физическим лицам регулируются статьей 78 Бюджетного кодекса РФ (далее — БК РФ), многочисленными Постановлениями Правительства РФ об утверждении Правил предоставления субсидий и нормами регионального законодательства, которые должны соответствовать требованиям, установленным Правительством РФ.

Поскольку в Российской Федерации активно используется программно-целевой метод ведения хозяйства с применением правил бюджетирования ориентированного на результат, то расходование бюджетных средств должно осуществляться в строгом соответствии с действующими программами, для реализации которых в законе о бюджете на очередной финансовый год и плановый период запланировано выделение денежных средств. При этом следует обратить внимание на то, что использование правил бюджетирования, ориентированного на результат направлено на достижение максимального результата, предусмотренного той или иной целевой программой с наименьшими финансовыми затратами. Данный постулат закреплен в статье 34 БК РФ и именуется как принцип эффективности (результативности) использования бюджетных средств.

В соответствии с положениями статьей 28, 38, 78 и 306.4 Бюджетного кодекса РФ в качестве принципов предоставления субсидии или гранта в форме субсидии выступают эффективность расходования бюджетных средств, адресность, целевой характер, безвозмездность и безвозвратность. Исключением из принципа безвозвратности являются нарушения со стороны получателей субсидии, которые могут повлечь обращение уполномоченных органов с требованиями о возврате субсидии или привлечение к административной ответственности [4].

При этом законодатель разграничивает понятия «эффективность» и «результативность» использования бюджетных средств. Под эффективность понимается «достижение заданных результатов с использованием наименьшего объема средств», а под результативностью — «до-

стижение наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств».

Указанные выше нормы, в совокупности с региональными нормативными правовыми актами, регулирующими правила предоставления субсидии (гранта в форме субсидии) и условиями соглашений о предоставлении субсидии в своем системном толковании имеют определяющее значение при рассмотрении требований уполномоченных органов о возврате субсидии, предоставленной юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю.

В соответствии с п. 3.1. ст. 78 БК РФ основанием для возврата средств предоставленной субсидии является нарушение условий ее предоставления. При этом из смысла рассматриваемой правовой нормы следует, что условия, правила и порядок предоставления субсидии регламентируются бюджетными процессуальными нормами, установленными региональным законодателем [5] с учетом общих требований [6] и соглашением о предоставлении субсидии [7], заключенным между главным распорядителем бюджетных средств областного бюджета и получателем субсидии.

Отдельно следует обратить внимание на объективную необходимость в разграничении понятий «условия предоставления субсидии» и «условия использования средств предоставленной субсидии» [8, С.51–59], поскольку это имеет важное правоприменительное значение. Условия предоставления субсидии — это регламентированные региональными бюджетными процессуальными нормами критерии, которым должно отвечать лицо, претендующее на получение субсидии, в том числе с учетом требования целевых программ различного уровня. Например, лицо не должно осуществлять предпринимательскую деятельность в течение определенного времени [9], не должно иметь задолженностей перед бюджетом [10], должно предоставить полный пакет документов, необходимых для рассмотрения вопроса о предоставлении субсидии, содержащего достоверные сведения [11], иметь определенный объем собственных средств и т.д. В то время как условия использования средств предоставленной субсидии — это регламентированные региональными бюджетными процессуальными нормами и соглашениями главного распорядителя бюджетных средств и получателя субсидии правила использования (расходования) средств уже предоставленных юридическому лицу или

индивидуальному предпринимателю. Например, достижение установленных показателей эффективности (результативности) расходование предоставленных средств субсидии [12], своевременное осуществление мероприятий, предусмотренных бизнес-проектом, своевременное предоставление отчетности об использовании субсидии и т.д. Разграничение рассматриваемых категорий следует проводить и с учетом этапов развития правоотношений. Так, например, на стадии проведения конкурса, отбора претендентов на получение субсидии, проверяется их соответствие условиям предоставления субсидии, однако условия о достижении определенных результатов хозяйственной деятельности следует относить к этапу проведения контрольных мероприятий по проверке законности использования полученных средств субсидии. В этом случае, не достижение получателем субсидии установленных порядком предоставления субсидии и соглашением о предоставлении субсидии плановых показателей эффективности (результативности) использования бюджетных средств будет вполне правомерно выступать в качестве основания применения ответственности в форме возврата средств субсидии. Так, например, Арбитражным судом Центрального округа, отменяя акты судов нижестоящих инстанций по иску Министерства к Обществу о взыскании суммы субсидии ввиду нарушения условий и порядка предоставления субсидии, выраженного в непредставлении предусмотренной Соглашением отчетности, обратил внимание на следующие обстоятельства. *Условия и порядок предоставления субсидий регламентированы Порядком предоставления субсидии и определяет перечень документов, предоставляемых получателями субсидий для получения субсидий, а также требования к указанным документам, в том числе по их форме, составу, достоверности. Обществом такие документы были представлены, а Министерством приняты и рассмотрены. Нарушение Общества состоит в бездействии по отношению к обязанности по последующему представлению отчетности.*

При этом предоставление отчетности имеет своей задачей способствовать контролю уполномоченным органом за выполнением получателем субсидии показателя результативности ее использования. В свою очередь не представление отчетности в установленные соглашениями сроки, не является нарушением ни условий, ни поряд-

ка предоставления субсидии, и, как следствие, не может служить основанием для применения такой санкции как возврат субсидии, исковые требования удовлетворению не подлежат [13].

По иному делу Министерством в качестве нарушения целей, условий и порядка предоставления субсидии было признано не представление Предпринимателем копии документа, подтверждающего проведение агрохимического обследования земель, признаваемой обязательной для предоставления субсидии, хотя цели и установленные показатели были им достигнуты. Однако Арбитражным судом Центрального округа была поддержана позиция суда апелляционной инстанции о том, что предоставление копии документа, подтверждающего проведение агрохимического обследования земель, имеет своей задачей способствовать контролю уполномоченным органом за выполнением получателем субсидии показателя результативности ее использования. В связи с чем судом кассационной инстанции был сделан вывод о том, что *допущенное нарушение установленного порядка предоставления субсидии имеет формальный характер, требования об ответственности за нарушение (бездействие предпринимателя по отношению к обязанности по предоставлению документа об обследовании земель) несоразмерны объему заявленных требований* [14].

Следует отметить, что в некоторых случаях, не достижение показателей на момент проведения контрольных мероприятий, судами также не расцениваются в качестве нарушений, влекущих возврат средств предоставленной субсидии. Так, например, Предпринимателем на момент проведения контрольных мероприятий, не были достигнуты установленные Соглашением показатели результативности ввиду значительного повышения цен на топливо, электроэнергию, строительные материалы, корма, витамины, лекарства, а также в связи с существенным снижением закупочных цен на производимую продукцию (молоко и мясо). По результатам проверки было установлено, что существенная часть мероприятий по расходованию средств гранта была выполнена, за исключением достижения показателей. Фактически животноводческая ферма создана и функционирует, имущество, приобретенное для ее развития, используется по целевому назначению, ответчиком предпринимаются меры, направленные на достижение показателей простота количества содержащихся на ферме

крупного рогатого скота, увеличения объема производства животноводческой продукции и выручки от ее продажи. Данные обстоятельства судом расценены как добросовестное поведение Индивидуального предпринимателя. Судом сделан вывод о том, что поскольку условие о возврате гранта в случае нарушения грантополучателем порядка его использования по своей природе является ответственностью и обеспечивает исполнение обязательства и/или восстановления нарушенного права, то и нормы, устанавливающие порядок предоставления и правила расходования гранта, подлежат толкованию с учетом защищаемого этой нормой законного интереса.

Принимая во внимание принципы и цели предоставления гранта — безвозвратное и безвозмездное софинансирование затрат глав КФХ, связанных с развитием семейных животноводческих ферм, применение к получателю субсидии мер ответственности в виде ее возврата допустимо лишь в случае существенного нарушения последним предусмотренных соглашением обязательств и (или) прав уполномоченного органа, производящего выделение денежных средств, в результате совершения умышленных недобросовестных действий (бездействия), противоречащих смыслу и направленности такого соглашения. В рассматриваемом случае при выявленных истцом нарушениях формального характера ответчик в случае возложения на него обязанности вернуть субсидию будет поставлен в неравные условия с грантодателем, а уже достигнутый общественно полезный результат предоставления гранта бу-

дет нивелирован.

Таким образом, в судебной правоприменительной практике рассмотрения споров, вытекающие из бюджетных правоотношений в сфере субсидирования можно выделить две разновидности направления нарушений, являющихся основаниями для возврата средств полученной субсидии: ввиду нарушений условий предоставления субсидий (субъектами нарушения могут выступать не только получатели субсидии, но и субсидирующие органы [15]) и нарушений условий использования средств предоставленной субсидии (субъектом нарушения выступает получатель субсидии).

Из приведенных в настоящем исследовании примеров видно, что финансовыми органами при применении бюджетных процессуальных норм о целях, правилах и порядке предоставления субсидий (грантов) с учетом положений о целевом использовании бюджетных средств, установленных Бюджетным кодексом РФ термины «условия предоставления субсидии» и «условия использования средств предоставленной субсидии» отождествляются, в то время как, органами судебной власти проводится их разграничение с учетом конкретных обстоятельств дела. Следовательно арбитражный суд при рассмотрении спора, вытекающего из бюджетных правоотношений в сфере субсидирования, не только применяет бюджетные процессуальные нормы, но и приводит их системное толкование во взаимосвязи с условиями Соглашений о предоставлении субсидии (гранта в форме субсидии).

Библиографический список

1. Количество рассмотренных дел, вытекающих из бюджетных правоотношений в 2016 году составило 3826 дел, в 2017—3577 дел, в 2018—4089 дел, в 2019—3776 дел (данные Судебного Департамента при Верховном Суде РФ).
2. Пешкова Х.В. Бюджетное устройство России: монография / Х.В. Пешкова. — Москва: ИНФРА-М, 2017. — С.89; Сперанская Л.В. Договор целевого финансирования // СПС КонсультантПлюс. 2020 (дата обращения: 20.05.2021).
3. Определение Верховного Суда РФ от 18.09.2017 № 306-КГ17-12478 по делу № А55-5613/2016 // Картоoteca арбитражных дел. URL.: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 20.05.2021).
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3823.
5. Например, Постановление правительства Воронежской области от 30.04.2019 № 458 «Об утверждении Порядка предоставления грантов «Агростартам» в форме субсидий из областного бюджета на создание и развитие крестьянских (фермерских) хозяйств».

6. Об общих требованиях к нормативным правовым актам, муниципальным правовым актам, регулирующим предоставление субсидий юридическим лицам (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям), индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам — производителям товаров, работ, услуг. Постановление Правительства РФ от 06.09.2016 № 887 (ред. от 26.12.2019) // Собрание законодательства РФ, 12.09.2016, № 37, ст. 5506.
7. Об утверждении типовых форм соглашений (договоров) о предоставлении из федерального бюджета субсидии юридическим лицам (за исключением государственных учреждений), индивидуальным предпринимателям, физическим лицам — производителям товаров, работ, услуг. Приказ Минфина России от 31.10.2016 № 199н (ред. от 08.10.2019) (Зарегистрировано в Минюсте России 06.12.2016 № 44584) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.05.2021).
8. Герасименко Ю.В., Сынтин А.В. Правила предоставления субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства: проблемы и перспективы совершенствования // Современное право. 2018. № 10. С. 51–59.
9. Например, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.09.2020 по делу № А22–2520/2019 // Картоoteca арбитражных дел.URL.: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 20.05.2021).
10. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.06.2020 по делу № А75–8940/2019 // Картоoteca арбитражных дел.URL.: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 20.05.2021).
11. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 08.06.2020 по делу № А62–2652/2019 // Картоoteca арбитражных дел.URL.: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 20.05.2021).
12. Решение Арбитражного суда Воронежской области от 11.11.2019 по делу № А14–13707/2019 // Картоoteca арбитражных дел.URL.: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 20.05.2021).
13. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 01.08.2018 по делу № А83–12308/2018 // Картоoteca арбитражных дел.URL.: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 20.05.2021).
14. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 01.06.2020 по делу № А83–7670/2019 // Картоoteca арбитражных дел.URL.: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 20.05.2021).
15. Например, Решение Арбитражного суда г. Москвы от 27.05.2019 по делу № а57–11376/2019 // Картоoteca арбитражных дел.URL.: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 20.05.2021); Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.08.2020 по делу № А12–39358/2019 // Картоoteca арбитражных дел.URL.: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 20.05.2021).

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО;
ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЕС

© 2021 **Ширёва Ирина Викторовна**

кандидат юридических наук, доцент Департамента международного и публичного права
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва

E-mail: IVShiryova@fa.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с инициативами Европейского Союза в контексте осуществления защиты естественной среды обитания.

Ключевые слова: экологическая политика, климат, Европейский союз, ООН, парниковые газы, Ф-газы, Европейское агентство по охране окружающей среды, Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата, Парижское соглашение по климату, система торговли выбросами.

Экологическая политика и законодательство ЕС направлены на защиту естественной среды обитания, поддержание чистоты воздуха и воды, обеспечение надлежащего удаления отходов, улучшения знаний о токсичных химических веществах и оказанию помощи бизнесу в достижении устойчивой экономики [1]. ЕС и национальные правительства поставили перед собой четкие цели для руководства европейской экологической политикой 2020 года с перспективой до 2050 года поддерживая специальные программы и мероприятия в этом направлении.

В качестве приоритетов в стратегической повестке ЕС на 2019–2024 годы были определены — построение климатически нейтральной, зеленой, справедливой и социальной Европы, а также инвестирование в зеленые инициативы, которые улучшают качество воздуха и воды, способствуют устойчивому сельскому хозяйству и сохранению экологических систем и биоразнообразия; создание эффективной циркулярной экономики и хорошо функционирующего энергетического рынка ЕС, обеспечивающего устойчивую, безопасную и доступную энергию; более быстрый переход к возобновляемым источникам энергии и энергоэффективности при одновременном снижении зависимости ЕС от внешних источников энергии [2].

Необходимо отметить, что еще на европейском саммите в октябре 2014 года европейские лидеры согласились с тем, что ЕС должен активизировать свои усилия и сократить внутренние выбросы по крайней мере на 40% по сравнению с 1990 годом к 2030 году [3]. Это решение не возникло спонтанно и беспричинно, решение последовало после публикации выводов Межправительственной группы экспертов по

изменению климата (МГЭИК), где говорилось, что без принятия срочных мер изменение климата приведет к серьезным, всепроникающим и необратимым последствиям для всех людей и экосистем мира. Ограничение опасного повышения глобальной средней температуры до уровня ниже 2 °С по сравнению с доиндустриальным уровнем (цель ниже 2 °С) потребует существенного и устойчивого сокращения выбросов парниковых газов всеми странами. Отмечалось, что этот глобальный переход к низким выбросам может быть достигнут без ущерба для роста и рабочих мест и может предоставить значительные возможности для оживления экономики не только в Европе, но и во всем мире. Действия по борьбе с изменением климата должны принести значительные выгоды с точки зрения общественного благосостояния. Однако отсрочка этого перехода приведет к увеличению общих затрат и сужению возможностей эффективного сокращения выбросов и подготовки к последствиям изменения климата. Все страны должны действовать срочно и коллективно.

С 1994 года стороны Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата 1992 г. (РКИК ООН) сосредоточили свое внимание на этой проблеме, в результате чего более 90 стран, как развитых, так и развивающихся, обязались сократить свои выбросы к 2020 году [4]. В 1997 г. к РКИК ООН был принят Киотский протокол, в ст.2 п.1. было зафиксировано, что каждая Сторона, при выполнении своих определенных количественных обязательств по ограничению и сокращению выбросов, в целях поощрения устойчивого развития: осуществляет и/или далее разрабатывает в соответствии со своими национальными условиями такие

политику и меры, как: повышение эффективности использования энергии в соответствующих секторах национальной экономики; проведение исследовательских работ, содействие внедрению, разработка и более широкое использование новых и возобновляемых видов энергии, технологий поглощения диоксида углерода и инновационных экологически безопасных технологий. В приложении А были обозначены следующие парниковые газы, выбросы которых необходимо сокращать: Диоксид углерода (CO₂), Метан (CH₄), Закись азота (N₂O), Гидрофторуглероды (ГФУ), Перфторуглероды (ПФУ), Гексафторид серы (ГФС -SF₆) [5]. Фторированные газы («Ф-газы», (ГФУ), (ПФУ), (ГФС) — это семейство искусственных газов, используемых в различных отраслях промышленности. ЕС принимает регулирующие меры по контролю за Ф-газами в рамках своей политики по борьбе с изменением климата. Ф-газы часто используются в качестве заменителей озоноразрушающих веществ, поскольку они не повреждают озоновый слой атмосферы. Однако Ф-газы являются мощными парниковыми газами, с эффектом глобального потепления до 23000 раз большим, чем углекислый газ (CO₂), и их выбросы сильно растут. Известно, что выбросы Ф-газов в ЕС почти удвоились с 1990 по 2014 год — в отличие от выбросов всех других парниковых газов, которые были сокращены. Однако, благодаря законодательству ЕС о фторированных газах, выбросы Ф-газов снижаются с 2015 года [6].

Гидрофторуглероды (ГФУ) относительно недолговечны. Две другие группы Ф-газов, перфторуглероды (ПФУ) и гексафторид серы (SF₆), могут оставаться в атмосфере в течение тысяч лет. Ф-газы используются в нескольких типах продуктов и приборов, главным образом в качестве заменителей озоноразрушающих веществ, таких как хлорфторуглероды (ХФУ), гидрохлорфторуглероды (ГХФУ) и галоны, которые постепенно выводятся из употребления в соответствии с Монреальским протоколом и законодательством ЕС. Гидрофторуглероды (ГФУ) используются в различных секторах и областях применения, таких как хладагенты в холодильнике, кондиционирующем и теплонасосном оборудовании; в качестве вспенивающих агентов для пены; в качестве растворителей; а также в огнетушителях и аэрозолях.

Перфторуглероды (ПФУ) обычно используются в секторе электроники (например, для

плазменной очистки кремниевых пластин), а также в косметической и фармацевтической промышленности. В прошлом ПФУ также использовались в огнетушителях, и их все еще можно найти в старых системах противопожарной защиты.

Гексафторид серы (SF₆) используется в основном в качестве изолирующего газа в высоковольтных распределительных устройствах и в производстве магния и алюминия. Наличие благоприятных для климата альтернатив Ф-газам было тщательно оценено в исследованиях, проведенных для Комиссии и других органов [7].

В 2012 году стороны РКИК ООН начали переговоры о новом юридически обязательном соглашении, применимом ко всем сторонам, которое поставит мир на путь достижения цели ниже 2 °С. В 2015 году это знаковое соглашение было принято в Париже. Главная цель Парижского соглашения — удержать рост глобальной средней температуры в пределах 1,5–2 °С по отношению к соответствующему показателю доиндустриальной эпохи.

За последние десятилетия Европейский союз ввел в действие широкий спектр природоохранного законодательства, были подготовлены и реализованы 7 экологических программ. Первая из них появилась в 1973 г. после проведения Стокгольмской конференции ООН по окружающей человека среде 1972 г., на которой был принят План мероприятий в отношении окружающей человека среды. В рамках этого плана Генеральная Ассамблея ООН учредила в 1972 г. Программу ООН по окружающей среде (ЮНЕП), по координации деятельности органов и учреждений системы ООН и созданию новых специализированных организаций, занимающихся экологическими вопросами. Последующие экологические программы действий принимались соответственно в 1977 г. (Вторая программа), в 1983 г. (Третья программа) и в 1987 г. (Четвертая программа). Фундаментальной по содержанию явилась Пятая программа действий Сообщества в области окружающей среды, принятая в 1993 г. и получившая название «В направлении устойчивости». Пятая программа действия по окружающей среде взяла на вооружение ЕС концепцию устойчивого развития, ставшую официальной стратегией ООН по выходу человечества из экологического кризиса после проведения Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. в Рио-де-Жанейро (РИО-92). Шестая про-

грамма действий Сообщества в области окружающей среды была утверждена Решением Европейского парламента и Совета № 1600/2002/ЕС от 22 июля 2002 г., программа экологических действий появилась непосредственно перед Всемирной встречей на высшем уровне по устойчивому развитию (РИО+10), прошедшей под эгидой ООН в Йоханнесбурге (Ю. Африка) с 26 августа по 4 сентября 2002 г. Шестая программа сфокусировала внимание на четырех приоритетных сферах действий, к ним были отнесены:

- изменение климата;
- природа и биологическое разнообразие;
- окружающая среда, здоровье и качество жизни;
- природные ресурсы и отходы.

Седьмая программа действий в области экологии была принята решением Европейского парламента и Совета № 1386/2013/ЕС от 20 ноября 2013 г. В п.1 ст.2 были обозначены следующие приоритетные цели:

- защищать, сохранять и приумножать природный капитал Союза;
- превратить Союз в ресурсо-эффективную, экологичную и конкурентоспособную низкоуглеродную экономику;
- защищать граждан Союза от давления, связанного с окружающей средой, и рисков для здоровья и благополучия;
- максимизировать преимущества законодательства Союза в области охраны окружающей среды путем улучшения его применения;
- улучшать базу знаний и фактических данных для политики Союза в области окружающей среды;
- обеспечивать инвестиции в экологическую и климатическую политику и устранить внешние экологические факторы;
- улучшать экологической интеграции и согласованности политики;
- повышать эффективность Союза в решении международных экологических и климатических проблем.

В декабре 2019 года Европейской Комиссией было подготовлено сообщение институтам ЕС — Европейскому Парламенту, Европейскому Совету, Совету ЕС, Европейскому экономическому и социальному комитету и Комитету регионов, в котором была изложена Европейская зеленая (Green Deal) сделка для Европейского Союза (ЕС) и его граждан. В этом сообщении представлена первоначальная дорожная карта ключевых

стратегий и мер, необходимых для достижения Европейской зеленой сделки, которые будут обновляться по мере развития потребностей и формулирования политических мер реагирования. Все действия и политика ЕС должны будут способствовать достижению целей Европейской «Зеленой сделки».

Необходимо отметить, что «Зеленая сделка» является неотъемлемой частью стратегии Европейской Комиссии по реализации Повестки дня Организации Объединенных Наций на период до 2030 года и целей устойчивого развития [8], а также других приоритетов, объявленных в политических руководящих принципах председателем ЕК ЕС Урсулой фон дер Ляйен [9]. В рамках «Зеленой сделки» Комиссия переориентирует процесс макроэкономической координации Европы на интеграцию целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций, чтобы поставить устойчивость и благополучие граждан в центр экономической политики, а цели устойчивого развития — в центр разработки политики и действий ЕС [10]. В рамках Европейской зеленой сделки Комиссия представила в сентябре 2020 года план оценки воздействия, направленный на увеличение целевого показателя ЕС по сокращению чистых выбросов парниковых газов по крайней мере до 55% к 2030 году. К июлю 2021 года Комиссия представит законодательные предложения по реализации новой цели [11].

Европейская зеленая сделка является ответом на вызовы и проблемы, связанные с изменением климата и его последствиями, направлена на защиту, сохранение и приумножение природного капитала ЕС, а также на защиту здоровья и благополучия граждан от рисков и воздействий, связанных с окружающей средой. Это новая стратегия роста, направленная на преобразование ЕС в справедливое и процветающее общество с современной, ресурсоэффективной и конкурентоспособной экономикой, в которой в 2050 году не будет выбросов парниковых газов.

ЕС уже приступил к модернизации и преобразованию экономики с целью обеспечения климатической нейтральности. Чтобы обеспечить запланированные сокращения выбросов парниковых газов, Комиссия к июню 2021 года должна рассмотреть и предложить пересмотреть, при необходимости, все соответствующие инструменты политики, связанные с климатом. Пересмотр будет касаться существующей Системы торговли выбросами [12], включая возмож-

ное распространение европейской торговли выбросами на новые секторы, целевые показатели государств-членов по сокращению выбросов в секторах, не входящих в Систему торговли выбросами [13], и регулирование землепользования, изменений в землепользовании и лесного хозяйства. Комиссия может внести предложения в Европейский климатический пакт* [14], чтобы соответствующим образом обновить его.

Эти политические реформы помогут обеспечить эффективное ценообразование на углерод во всей экономике ЕС. Это должно помочь стимулировать изменения в поведении потребителей и бизнеса и способствовать увеличению устойчивых государственных и частных инвестиций. Различные инструменты ценообразования должны дополнять друг друга и совместно обеспечивать согласованную политическую основу. Обеспечение того, чтобы налогообложение соответствовало климатическим целям, также имеет важное значение. Комиссия может предложить пересмотреть Директиву, касающуюся налогообложения энергетических продуктов и электричества [15], уделяя особое внимание экологическим вопросам, и предлагает использовать положения Договоров, которые позволяют Европейскому парламенту и Совету принимать предложения в этой области в рамках обычной законодательной процедуры квалифицированным большинством голосов, а не единогласно.

Однако, до тех пор, пока многие международные партнеры не разделяют те же амбиции, что и ЕС, существует риск утечки углерода, либо потому, что производство переносится из ЕС в другие страны с более низкими амбициями по сокращению выбросов, либо потому, что продукция ЕС заменяется более углеродоемким импортом. Если этот риск материализуется, сокращения глобальных выбросов не произойдет, и это сорвет усилия ЕС и его отраслей по достижению глобальных климатических целей Парижского соглашения [16].

Соответственно, любое количество Гидрофторуглеродов (ГФУ), поступающее в ЕС вне системы действующих квот на ГФУ, может привести к снижению экологических выгод и недобросовестной конкуренции. Поэтому крайне важно поддерживать должное соблюдение действующих правил регулирования Ф-газов.

Регламент (ЕС) № 517/20141 («Регулирование Ф-газов») направлен на создание эффективного и пропорционального механизма сокращения выбросов фторированных парниковых газов для содействия достижению климатических целей Союза. С момента принятия Регламента № 517/20141 («Регулирование Ф-газов») в 2014 году международные переговоры продвинулись дальше в этом направлении, и в октябре 2016 года 197 стран согласились поэтапно отказаться от глобального потребления и производства ГФУ в соответствии с Монреальским протоколом («Кигали Поправка») [17]. Основной мерой для достижения сокращения выбросов фторированных парниковых газов является «ГФУ ЕС поэтапное сокращение», в соответствии с которым общее количество ГФУ, которое предприятия могут импортировать или производить в ЕС (т.е. «впервые размещаться на рынке»), постепенно сокращается до 2030 года. (измеряется в эквиваленте CO₂) [18].

Статья 21(5) Регламента (ЕС) № 517/20141 («Регулирование Ф-газов») призывает Комиссию ЕС: «опубликовать доклад с оценкой метода распределения квот, включая влияние бесплатного распределения квот и затраты на осуществление этого Регламента в государствах-членах и возможного международного соглашения по гидрофторуглеродам. В свете этого доклада Комиссия представит, при необходимости, законодательное предложение Европейскому парламенту и Совету с целью: внесения поправок в метод распределения квот; создания соответствующего способа распределения любых возможных доходов.» В соответствии со статьей 23 Регламента предусмотрено учреждение Консультативного форума для проведения соответствующей работы. В 2017 году был опубликован доклад Комиссии ЕС [19] по оценке метода распределения квот в соответствии с Регламентом (ЕС) № 517/2014. В докладе было отмечено, что метод распределения квот затрагивает около 1100 предприятий, из которых примерно две трети являются «держателями квот» на ГФУ (оптовыми производителями и/или импортерами), в то время как остальные предприятия являются импортерами оборудования. Число новых участников значительно увеличилось и растет с каждым годом. В 2017 году, 579 предприятий были новыми участ-

* Европейский климатический пакт-это инициатива Комиссии по взаимодействию с различными заинтересованными сторонами и гражданским обществом с целью привлечения их к климатическим действиям и более устойчивому поведению.

никами, что на 73% больше, чем в 2015 году. Метод распределения для действующих компаний, основанный на историческом потреблении, обеспечивает существующим предприятиям стабильное начальное положение на рынке. Со временем доля квот, доступных этим сотрудникам, будет уменьшаться быстрее, чем общий рынок (поскольку он сокращается после поэтапного сокращения), что означает, что рыночная доля квот, выделяемых нынешним сотрудникам, будет уменьшаться с течением времени. Резервированные суммы для новых участников составили 11% от общего объема квот на начало поэтапного сокращения в 2015 году. Благодаря процедуре определения квот абсолютные показатели, доступные из этого резерва, будут оставаться более или менее стабильными с течением времени. С другой стороны, поскольку общий рынок сокращается после поэтапного сокращения ГФУ, относительная доля квот, выделяемых из резерва новых участников, с годами будет увеличиваться. Например, более 50% от общей квоты будет выделено из резерва на заключительном этапе в 2030 году [20].

В докладе было отмечено, что Регламент № 517/20141 («Регулирование Ф-газов») в значительной степени опирается на обязательства, уже принятые предыдущим Регламентом (ЕС) № 842/2006¹⁷, в частности в отношении предотвращения выбросов от оборудования, таких как проверки и ремонт утечек, сертификация и программы обучения в странах-членах, маркировка оборудования, отчетность и восстановление по истечении срока службы. При оценке предыдущего Регламента (ЕС) № 842/2006 расходы в государствах — членах, осуществляющих и применяющие эти меры, оценивались в 11,4 млн. евро в год [21]. Эта сумма включает расходы связанные с мерами по повышению осведомленности и правоприменительными мерами, такими как инспекции. В связи с централизованным управлением процессом поэтапного сокращения Европейской Комиссией, а также Европейским агентством по охране окружающей среды [22] эти расходы покрываются за счет ее существующего бюджета. Европейская комиссия, в частности осуществляет управление порталом Ф-газы и Реестром ГФУ для регистрации предприятий, квот, трансфертов квот и разрешений на квоты;

пересчет новых базовых значений квот каждые три года и загрузка новых квот на ежегодной основе; контроль за ежегодной отчетностью предприятий в системе, управляемой Европейским агентством по охране окружающей среды; проверку на основе отчетности ex post соблюдения предприятиями своих лимитов квот и применение штрафных санкций в виде вычетов из будущих квот; проверку на основе отчетности ex post наличия у импортеров оборудования для ГФУ необходимых разрешений на квоты; и предоставление руководств предприятиям по использованию портала Ф-газы и Реестра ГФУ и обязательств, связанных с системой квот.

В более общем плане затраты промышленности на реализацию мер, предусмотренные в предыдущем Регламенте (ЕС) № 842/2006, ранее оценивались примерно в 1 млрд. евро в 2015 году, возросли до 1,5 млрд. евро в 2030 годах [23]. Расходы, связанные с поэтапным сокращением ГФУ, оценивались примерно в 1,5 млрд. евро в год [24]. Однако на самом деле ожидается, что затраты будут ниже. Первая цифра основана на предположении, что использование ГФУ не сократится до 2030 года, но с началом поэтапного отказа от ГФУ в соответствии с новыми правилами их использование будет резко сокращено. Вторая цифра была основана на информации только 2010 года. Таким образом, не учитывались новые технологии, появившиеся с тех пор, и тенденция к снижению стоимости экологически чистых технологий. Средние затраты на борьбу с выбросами были оценены на основе технологии, доступной в 2010 году, в размере 16 евро за тонну эквивалент CO₂. Ожидается, что повышение энергоэффективности, возможно, компенсирует дополнительные первоначальные инвестиционные затраты. В 2017 году был завершен только один полный «годовой»* цикл поэтапного отказа, и включение холодильного, кондиционирующего и теплонасосного оборудования в рамках поэтапного отказа началось 1 января 2017 года.

Необходимо отметить, что еще слишком рано проводить углубленную оценку функционирования механизма поэтапного отказа и тщательно оценивать все возможные последствия выбранного метода распределения квот. Тем не менее проведенный анализ и консультации с заинтересованными сторонами свидетельству-

* Один «годовой» цикл поэтапного сокращения включает распределение квот, использование квот, отчетность компании ex post и последующую проверку соответствия Комиссией. Для завершения цикла требуется примерно два года.

ют о том, что поэтапный отказ функционирует должным образом. Динамика цен полностью соответствует ожиданиям, и наблюдается хорошее соблюдение общего лимита ГФУ ЕС.

Выбранный метод распределения позволяет, с одной стороны, обеспечить стабильность на рынке, а с другой – гибкость для выхода на рынок новых участников рынка. Отмечая, что предприятиям придется сократить свои продажи ГФУ в рамках поэтапного отказа, бесплатное распределение квот может принести пользу некоторым участникам рынка в большей степени, чем другие. Кроме того, наличие бесплатной квоты по простому запросу из резерва значительно увеличило количество игроков с небольшими квотами. Потребуется дальнейший мониторинг, чтобы оценить и сделать выводы, как эта ситуация для малых и новых импортеров газа будет развиваться в ближайшие годы. Кроме того, ситуация на рынке импортеров оборудования, которые в нынешней системе распределения зависят от обладателей квот для получения разрешений на их импорт, также требует постоянного мониторинга.

Нынешний метод позволяет Европейской комиссии, основываясь на онлайн-портале Ф-газы [24], внедрить систему квот с небольшим дополнительным бременем или затратами для государств-членов. Таким образом, это поможет успешно осуществить поэтапный отказ и сохранить экологические амбиции. Большинство текущих расходов в государствах-членах являются результатом обязательств, уже установленных предыдущим Регламентом (ЕС) № 842/2006. Однако, государствам-членам будет предложено увеличить взносы в существующий Многосторонний фонд, для того чтобы в будущем финансировать поправку Кигали в соответствии с их обязательствами по Монреальскому соглашению. Известно, что Комиссия в настоящее время не намерена вносить изменения в метод распределения квот. Вместо этого Комиссия сосредоточится на обеспечении плавного внедрения существующего метода и оказании помощи всем заинтересованным сторонам в лучшем понимании и соблюдении их обязательств, с тем чтобы добиться успеха в поэтапном отказе от ГФУ ЕС. В то же время Комиссия продолжит осуществлять мониторинг за функционированием метода распределения и его воздействие внимательно, отмечая при этом, что всесторонний обзор Регламента № 517/20141 («Регулирование

Ф-газов») требуется осуществить до 31 декабря 2022 года.

Известно, что одним из крупнейших торговых партнеров ЕС является КНР. В 2018 году Комиссия обратилась к внешнему подрядчику с просьбой изучить вопрос, касающийся незаконной торговли ГФУ. Данные о торговле ГФУ, имеющиеся в отчетности компаний в соответствии с правилами регулирования Ф-газов, были сопоставлены с другими соответствующими наборами данных, в частности с торговыми данными Евростата, а также данными об экспорте Китая, полученными промышленностью из китайских источников и предоставленными Комиссией. Представители промышленности предоставили Комиссии соответствующие данные, отражающие количество некоторых ГФУ, в отношении которых китайские экспортеры указали, что ожидаемым пунктом назначения экспорта будет государство-член ЕС. Были обнаружены расхождения между данными из Китая об экспорте ГФУ в ЕС (если брать по номинальной стоимости) и данными ЕС по (заявленному) ГФУ таким образом, информация по импорту из Китая может свидетельствовать о наличии незаконной торговли и возможном уклонении от уплаты таможенных пошлин [25].

Еще одна проблема, поднятая заинтересованными сторонами, заключается в том, что данные по китайскому экспорту отмечены высокие темпы роста импорта ГФУ в большинство стран-соседей ЕС, в Украину; в некоторые балканские страны, особенно в Албанию. Однако в абсолютном выражении последние показатели относительно невелики по сравнению с существующей системой квот ЕС. Отмечалось, что в большинстве соседних стран ожидается некоторая положительная динамика в связи с экономическим ростом и заменой озоноразрушающих веществ ГФУ. Кроме того, учитывая вступление в силу поправки Кигали в 2019 году, некоторые импортеры, возможно, увеличили свои запасы, как это было в ЕС в 2014 году до вступления в силу действующих правил регулирования Ф-газов. Увеличение, наблюдаемое в Турции и России, составляло ~10% в год, что является вероятным порядком величины для внутреннего увеличения использования. Увеличение импорта из Китая в Швейцарию более чем уравновешивается сокращением экспорта из ЕС в Швейцарию [26].

Хотя высокие темпы роста ГФУ в некоторых странах, вызывают озабоченность ЕС, важно

подчеркнуть, что для отслеживания этих тенденций требуется более полные данные, и с целью получения таких данных ведется работа и осуществляется взаимодействие с некоторыми третьими странами.

Несмотря на существование незаконной торговли, поэтапный отказ от ГФУ по-прежнему успешно способствует инновациям и переходу к решениям, благоприятным для климата. Большая часть незаконной торговли, вероятно, осуществляется в форме уклонения от уплаты таможенных пошлин. Хотя становится очевидным, что такое уклонение от уплаты таможенных пошлин имеет место, на данном этапе представляется невозможным количественно оценить эту деятельность на основе имеющихся данных [27].

Что касается оценок, основанных на данных об экспорте Китая, то возникают вопросы относительно того, являются ли эти китайские данные надежными или согласуются с данными ЕС. Имеющиеся данные показывают, что несколько стран -соседей ЕС имеют неожиданно высокие темпы роста импорта ГФУ. Даже если данные на

данном этапе не позволяют оценить масштабы незаконной деятельности, очевидно, что таможенный контроль должен быть усилен, поскольку любое количество ГФУ, поступающее в ЕС подлежит мониторингу, поскольку существующая система квот потенциально может повлечь снижение экологических выгод и эта ситуация приведет к недобросовестной конкуренции.

В 2020 году ЕК было подготовлен План восстановления для Европы, который направлен на стимулирование зеленых и цифровых переходов, на то, чтобы сделать европейскую экономику более справедливой и более устойчивой для будущих поколений [28].

Подводя итог, напрашивается очевидный вывод, о том, что Европейский союз поставил крайне амбициозную цель и проводит достаточно серьезную полномасштабную работу на пути реализации обозначенной цели, вовлекая в этот процесс не только государства-члены, но и иные государства, с которыми ЕС имеет торгово-экономические отношения.

Библиографический список

1. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // Environment and climate change — EUR-Lex (europa.eu) (дата обращения 10.04.2021)
2. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // European Union priorities for 2019–2024 | European Union (europa.eu) (дата обращения 09.04.2021)
3. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // EUR-Lex — 52015DC0081 — EN — EUR-Lex (europa.eu) (дата обращения 10.04.2021)
4. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // EUR-Lex — 52015DC0081 — EN — EUR-Lex (europa.eu) (дата обращения 10.04.2021)
5. Сайт ООН [Электронный ресурс] — Режим доступа: // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения 11.04.2021)
6. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // https://ec.europa.eu/clima/policies/f-gas_en (дата обращения 10.04.2021)
7. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // https://ec.europa.eu/clima/policies/f-gas/legislation_en#tab-0-2 (дата обращения 09.04.2021)
8. Сайт ООН [Электронный ресурс] — Режим доступа: // <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld> (дата обращения 11.04.2021)
9. Political Guidelines of President elect Ursula von der Leyen: Political guidelines for the next Commission (2019–2024) — «A Union that strives for more: My agenda for Europe»: Сайт ООН [Электронный ресурс] — Режим доступа: // European Commission (europa.eu) (дата обращения 12.04.2021)
10. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // EUR-Lex — 52019DC0640 — EN — EUR-Lex (europa.eu) (дата обращения 09.04.2021)
11. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // https://ec.europa.eu/clima/policies/ets_en#tab-0-0 (дата обращения 09.04.2021)
12. Документ ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // Consolidated version of Directive 2003/87/EC of the European Parliament and of the Council establishing a scheme for greenhouse gas emission allowance trading within the Community and amending Council Directive 96/61/EC. (дата обращения 11.04.2021)

13. Документ EC Regulation (EU) 2018/842 on binding annual greenhouse gas emission reductions by Member States from 2021 to 2030 contributing to climate action to meet commitments under the Paris Agreement and amending Regulation (EU) No 525/2013. Система торговли выбросами ЕС: работает во всех странах ЕС, а также в Исландии, Лихтенштейне и Норвегии (государства ЕС-ЕАСТ), ограничивает выбросы от примерно 10000 установок в энергетическом секторе и обрабатывающей промышленности, а также авиакомпаний, работающих между этими странами, охватывает около 40% выбросов парниковых газов в ЕС. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: // https://ec.europa.eu/info/law_en (дата обращения 11.04.2021)
14. Документ ЕС — [Электронный ресурс] — Режим доступа: // <https://europa.eu/climate-pact/system/files/2020-12/20201209%20European%20Climate%20Pact%20Communication.pdf> (дата обращения 10.04.2021)
15. Документ EC Council Directive 2003/96/EC restructuring the Community framework for the taxation of energy products and electricity. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: // https://ec.europa.eu/info/law_en (дата обращения 11.04.2021)
16. Документ ООН [Электронный ресурс] — Режим доступа: // https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (дата обращения 10.04.2021)
17. Документ ООН [Электронный ресурс] — Режим доступа: // http://ozone.unep.org/sites/ozone/files/pdfs/FAQs_Kigali_Amendment_v3.pdf (Дата обращения 11.04.2021)
18. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // https://ec.europa.eu/clima/sites/default/files/f-gas/legislation/docs/com_2017_377_en.pdf (Дата обращения 11.04.2021)
19. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // [com_2017_377_en.pdf](com_2017_377_en.pdf) (europa.eu) (Дата обращения 11.04.2021)
20. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // [com_2017_377_en.pdf](com_2017_377_en.pdf) (europa.eu) (Дата обращения 11.04.2021)
21. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // https://ec.europa.eu/clima/sites/clima/files/f-gas/docs/2011_study_en.pdf (Дата обращения 11.04.2021)
22. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // <https://www.eea.europa.eu/about-us> (Дата обращения 11.04.2021)
23. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // [com_2017_377_en.pdf](com_2017_377_en.pdf) (europa.eu) (Дата обращения 11.04.2021)
24. European Commission COM(2012) 643 final Impact Assessment (2012). [Электронный ресурс] — Режим доступа: // https://ec.europa.eu/clima/sites/clima/files/f-gas/legislation/docs/swd_2012_364_en.pdf (Дата обращения 12.04.2021)
25. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // <https://webgate.ec.europa.eu/ods2/resources/home?domainKey=fgas> (Дата обращения 11.04.2021)
26. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // https://ec.europa.eu/clima/sites/default/files/f-gas/legislation/docs/report_illegal_trade_hcf_en.pdf (Дата обращения 12.04.2021)
27. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // https://ec.europa.eu/clima/sites/default/files/f-gas/legislation/docs/report_illegal_trade_hcf_en.pdf (Дата обращения 12.04.2021)
28. Сайт ЕС [Электронный ресурс] — Режим доступа: // https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en (Дата обращения 13.04.2021)

ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

© 2021 **Якуб Фаиз**

аспирант, Юридический факультет

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург

E-mail: faiz84waheeb@gmail.com

Цель исследования заключается в определении понятия и признаков электронных ценных бумаг на международном уровне. Предметом изучения выступили Гагская и Женевская конвенции по ценным бумагам. В настоящее время понятие электронных ценных бумаг опирается на экономические, а не правовые критерии. Единственным признаком ценных бумаг, закреплённым в международных конвенциях, является их финансовый характер. Перечень электронных ценных бумаг носит расплывчатый характер и охватывает все финансовые активы и инструменты, за исключением денежных средств. Как следствие невозможно выделить электронные ценные бумаги из совокупности имущественных прав в целом.

Ключевые слова: электронная ценная бумага, финансовый актив, финансовый инструмент, Гагская Конвенция, Женевская Конвенция.

В настоящее время институт ценных бумаг переживает серьезные изменения, поскольку исчезают системные его признаки, из которых складывается само понятие ценных бумаг.

Как отмечает М.В.Самойлова, впервые понятие «ценная бумага» появляется в Германии в учебнике Бринкмана по торговому праву 1853 года [10, с. 122]. На законодательном уровне ценная бумага упоминается в 1861 году в п. 1 § . 271 Общегерманского торгового уложения [3].

Под ценной бумагой понимался любой документ имущественно-правового содержания. В дальнейшем в 1882 году Бруннер предложил определение ценных бумаг, которое не потеряло своего значения и сегодня. Согласно ему, ценная бумага — это документ о частном праве, реализация которого зависит от обладания частно-правовым документом [8, с. 5–6]. Исходя из этого определения только обладатель (держатель) ценной бумаги в виде документа может реализовать свои права: получить имущество, обеспечить свои требования по другим обязательствам. Если у лица нет на руках ценной бумаги, то и осуществить свои права он не может. По сути, нет документа (ценной бумаги) — нет и права.

М.М.Агарков отмечал, что Бруннер указал на особенность, которая «позволяет объединить в одном понятии все разнообразие отдельных видов ценных бумаг» [4, с. 180]. В дальнейшем Якоби внес изменения в представленную формулу и описал ценную бумагу как документ, предъявление которого необходимо для осу-

ществления выраженного в нем права. Подобное определение получило распространение в Италии и Швейцарии [10, с. 123]. Таким образом, права, которые дает ценная бумага, реализуются только при предъявлении документа. Иными словами, осуществление прав, их защита, передача другим лицам и иные действия возможны только при контроле над документом (ценной бумагой).

Однако закрепление ценных бумаг в электронной (бездокументарной) форме, получившее широкое распространение в последние десятилетия, привело к изменению существующих правил. Теперь не требуется предъявлять ценную бумагу в виде документа для осуществления прав из неё.

Переход ценных бумаг в бездокументарный вид начался в 1980-е годы и получил особенно бурное развитие уже в XXI веке. Подобная трансформация происходила двумя путями, которые часто дополняли друг друга и описаны Бернаскони К. и Сигманом Х.Г [5, с. 70–72].

Первый из них дематериализация как исключение или упразднение любых бумажных документов на ценные бумаги. Второй — это иммобилизация, то есть прекращение передачи документарных ценных бумаг. Электронные ценные бумаги теперь находятся в специальных хранилищах (депозитариях) и существуют как запись в реестре.

Более того, в настоящее время ведение счета и все операции с ценными бумагами осуществ-

вляет специальный посредник. Если раньше для осуществления прав из ценной бумаги ею надо было владеть, то сейчас это не обязательно. Все действия от имени собственника ведут посредники, которых может быть несколько, и они находятся в разных странах.

Иными словами, два ключевых признака ценной бумаги — документарный вид и необходимость прямого владения ею потеряли свое значение. Между тем именно на основе этих двух признаков и формулировалось понятие классической ценной бумаги. Возникшую проблему пытаются решить как на национальном, так и на международном уровнях.

В рамках международного частного права общий подход был предложен в рамках Гаагской конвенции о праве, применимом к определенным правам на ценные бумаги, находящиеся во владении посредника. Она появилась 5 июля 2006 года, вступила в силу в 2017 году и получила краткое название — Гаагская конвенция по ценным бумагам (далее — Гаагская конвенция).

Определение ценных бумаг изложено в самом начале Гаагской конвенции (п. «а» ст. 1). Ценные бумаги означают любые акции, облигации или другие финансовые инструменты или финансовые активы (кроме денежных средств), а также любые проценты по ним.

Финансовый инструмент представляет собой договор или контракт, по которому одновременно возникают финансовый актив у одной компании и финансовое обязательство, — у другой. К финансовым инструментам относятся дебиторская и кредиторская задолженность в традиционных формах и в виде векселей, облигаций, иных долговых ценных бумаг, долевые ценные бумаги, а также производные формы, различные финансовые опционы, фьючерсные и форвардные контракты, процентные и валютные свопы. Авали по векселям, иные гарантии по исполнению обязательств другими лицами относятся к условным финансовым инструментам.

Решающим фактором, определяющим признание финансовых инструментов, является не юридическая форма, а экономическое содержание такого инструмента.

Финансовые активы — это денежные средства или договорные права требовать выплаты денежных средств или передачи финансовых инструментов от другой лица на выгодных для себя условиях.

С точки зрения экономики финансовые ин-

струменты — это квазиденьги, а финансовый актив — способ получения дохода.

Электронные ценные бумаги ввиду их нематериального характера и потери прямой связи с собственником могут рассматриваться одновременно как финансовые активы и финансовые инструменты. Это относится в первую очередь к долговым и долевым (акции) ценным бумагам. При обсуждении проекта Гаагской конвенции ставился вопрос об разграничении финансовых активов и инструментов, однако решение найти не удалось.

По мнению К.Бернаскони и Х.Сигмана, несмотря на то, что прямо упоминаются в качестве разновидностей ценных бумаг только облигации и акции, к числу финансовых активов можно отнести и целый ряд других объектов.

В частности, в состав электронных ценных бумаг включают все биржевые активы — кредитные деривативы, американские депозитарные расписки, варранты, опционы и фьючерсы, инвестиционные паи. Кроме того, безусловно, под регулирование Гаагской конвенции подпадают и векселя [5, с. 82].

Следовательно, все виды долевого и долговых ценных бумаг, которые зачисляются на специальный счет через посредника, подпадают под действие Гаагской конвенции. Не имеет значения, являются ли ценные бумаги на предъявителя или зарегистрированными, представлены ли они сертификатом или дематериализованы. Способ выпуска ценных бумаг не имеет значения.

Иными словами в Гаагской Конвенции предусмотрен максимальный широкий охват финансовых активов, в том числе и тех, которые могут появиться в дальнейшем с развитием экономических связей и технологий. В настоящее время любой биржевой актив и инструмент, выраженный в электронной форме, независимо от своего названия, предназначения и распространения должен быть отнесен к бездокументарным ценным бумагам. При этом подобные активы используются гораздо чаще и распространены куда сильнее, чем классические виды ценных бумаг, уходящие корнями еще в документарную эпоху.

Таким образом, основным и, по сути, единственным признаком электронной ценной бумаги на котором строится её понятие, выступает финансовый характер. Это экономическая, а не правовая категория. Более того, в Гаагской кон-

венции намеренно не приводится критериев, разграничивающих электронные ценные бумаги от иных финансовых активов и инструментов. Не приводится даже примерный перечень ценных бумаг. По признанию разработчиков Гагской конвенции это сделано специально, поскольку изменения в рыночной практике идут постоянно и появляются новые финансовые инструменты, которые могут признаваться ценными бумагами.

Вследствие этого нельзя говорить о четком определении электронной ценной бумаги в Гагской конвенции с правовой точки зрения. Не представляется возможным на основе терминологии отделить ценные бумаги от других объектов гражданских прав в первую очередь имущественных прав.

Гагская Конвенция является основным международным соглашением, регулирующим статус электронных ценных бумаг. В качестве другого источника можно рассматривать Конвенцию УНИДРУА о материально-правовых нормах, касающихся опосредованно удерживаемых ценных бумаг. 2009 года. Она пока не вступила в силу. Её сокращённое название — Женевская Конвенция по ценным бумагам (далее — Женевская Конвенция).

Согласно п. а ст. 1 Женевской Конвенции «ценные бумаги» означают любые акции, облигации или другие финансовые инструменты или финансовые активы (кроме денежных средств), которые могут быть зачислены на счет ценных бумаг и приобретены и отчуждены в соответствии с положениями настоящей Конвенции.

Единственным отличием и дополнением по сравнению с Гагской конвенцией в области терминологии выступает возможность ценных бумаг приобретаться и отчуждаться другими лицами, то есть переход ценных бумаг от одних субъектов гражданского права к другим. Однако подобная возможность, разумеется, презюмируется в Гагской конвенции, особенно в правилах, посвященных регулированию деятельности посредника, поэтому рассматриваемое дополнение нельзя признать существенным.

Таким образом, в целом определение ценных бумаг в Женевской Конвенции дублирует Гагскую конвенцию.

Однако в Женевской Конвенции появляется ранее неизвестное определение «промежуточные ценные бумаги». Под ним понимают ценные бумаги, зачисленные на счет ценных бумаг,

или права или доли в ценных бумагах, возникающие в результате зачисления ценных бумаг на счет ценных бумаг. К числу таких бумаг следует отнести ценные бумаги, находящиеся в опосредованном владении посредника. Поскольку подавляющее большинство ценных бумаг сейчас размещаются на счетах, принадлежащих посредникам, именно промежуточным ценным бумагам посвящена в основном Женевская конвенция.

При этом, по справедливому замечанию А. Выговского в Женевской Конвенции в отношении промежуточных ценных бумаг действует не только обязательно-правовой статут, но и допускается применение к опосредованному владению электронными ценными бумагами как обязательственных, так и вещных правомочий [6, с. 119].

Таким образом, получается, что у посредников могут формироваться ограниченные вещные права в отношении «чужой» ценной бумаги или складывается институт, аналогичный доверительной собственности. Происходит усиление позиций посредника за счет собственника электронных ценных бумаг.

В целом необходимо отметить, что понятие ценных бумаг, закрепленное в Женевской конвенции, не позволяет выделить дополнительные её признаки по сравнению с Гагской конвенцией.

Подводя итоги, следует признать, что в настоящее время понятие электронных ценных бумаг в международном частном праве опирается на экономические, а не юридические критерии. Главным является финансовый характер ценной бумаги, которая может выступать как финансовым активом, так и финансовым инструментом. При этом разграничение актива и инструмента в конвенциях не производится.

Более того, электронные ценные бумаги не отделяются от остальных финансовых активов и инструментов. В результате нельзя на сегодняшний день составить перечень электронных ценных бумаг, в перспективе не исключается появление новых их видов.

Как следствие электронные ценные бумаги в международном частном праве невозможно выделить из состава таких объектов гражданских прав как имущественные права. Проблематика определения понятия и признаков электронных ценных бумаг на современном этапе еще ждет своего разрешения.

Библиографический список

1. Гагская конвенция о праве, применимом к определенным правам на ценные бумаги, находящиеся во владении посредника 2006 год // <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=72>.
2. Конвенция УНИДРУА о материально-правовых нормах, касающихся опосредованно удерживаемых ценных бумаг. 2009 года // <https://www.unidroit.org/english/conventions/2009intermediatedsecurities/convention.pdf>.
3. Общегерманский торговое уложение // <https://infopedia.su/7x3abc.html>.
4. *Азарков М. М.* Основы банковского права. Учение о ценных бумагах, М: БЕК, 1994–350с.
5. *Бернаскони К., Сигман Х. Г.* Гагская конвенция о праве, применимом к определенным правам на ценные бумаги, находящиеся во владении посредника // Государство и право. — М.: Наука, 2006, № 12. — С. 70–87.
6. *Выговский А.* Унификация материально-правовых норм в рамках Конвенции УНИДРУА о ценных бумагах 2009 года // Хозяйство и право 2010 № 3 с. 117–123.
7. *Набиуллина Ю. Р.* Особенности учетной системы бездокументарных ценных бумаг в германском праве // Финансовое право и управление 2017 № 2 с. 57–73.
8. *Родионова О. М.* Правовой институт ценных бумаг: Учебное пособие. Саранск: Красный октябрь, 2002–72с.
9. *Рубцов Б. Б.* Финансовый рынок Франции // Портфельный инвестор 2009 № 3–4. С. 1–19.
10. *Самойлова М. В.* Бездокументарные ценные бумаги в правовой доктрине Германии // Закон России Опыт, анализ, практика 2007 № 8 с. 122–127.
11. *Туктаров Ю. Е.* Ценные бумаги в контексте истории фондового рынка // Закон. 2006. № 7. С. 24–29.
12. *Юркова Е. В.* Правовое регулирование бездокументарных ценных бумаг: историко-правовой анализ // Проблемы экономики и юридической практики 2017 № 2 с. 157–160.

ECONOMIC AND LAW ISSUES

**Nº5 (155)
2021**

Editorial Council

A.P. Torshin — Candidate of Law, Deputy Chairman — State Secretary of the Bank of Russia, Chairman of the Editorial Board of the Journal “Economic and Law Issues”

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

A.G. Lisitsyn-Svetlanov — Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

V.N. Viktorov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Special Programs at St. Petersburg Mining University

Yu.V. Golik — Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

S.N. Silvestrov — Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security, Professor of the Department of World Economy and World Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation

A.A. Liverovsky — Doctor of Law, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg

Editor-in-Chief

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor

The journal is included in the list of the Higher Accreditation Committee of The Ministry of Education and Science of Russia of the leading scientific journals and publications issued in the Russian Federation, where the main scientific results of the scientific theses for the degrees of Doctor and Candidate of Science can be found

Founder: LLC “Economic Sciences”

Address: 125057, Moscow, Chapaevskii per., 3-775

E-mail: info@law-journal.ru

WWW: <http://law-journal.ru>

The Certificate of registration of mass media

ПИ №ФЦ 77-31419 from 06.03.2008

Subscription index 70180 (Agency “Rospechat”)

ISSN 2072-5574

Editorial Board

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

O.Yu. Bakaeva — Doctor of Law, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law of the Saratov State Law Academy

V.V. Bolgova — Doctor of Law, Professor, First Vice-Recto for Academic and Educational Work, Head of the Department of Theory and Philosophy of Law, Samara State University of Economics

A.A. Pavlushina — Doctor of Law, Professor

S.A. Makhosheva — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department “Regional Management” of the Institute of Informatics and the problems of regional management of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

V.V. Simonov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Church History, Moscow State University named after M. Lomonosov

I.A. Shulyatyev — PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

A.A. Alekseev — Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Innovative Development, Professor of the Department of Enterprise Economics and Production Management, St. Petersburg State University of Economics

V.P. Ponka — Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Process and Private International Law of the Peoples’ Friendship University of Russia

A.G. Zeldner — Doctor of Economics, Professor of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

M.F. Gus’kova — Doctor of Economics, Professor at the Institute of Paths, Construction and Structures of the Russian University of Transport (MIIT)

P.V. Pavlov — Doctor of Economics, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University

R.I. Khansevyarov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

Issue date 31.05.2021

Format 60x84/8

Printed signatures 7.67

300 copies

Printed by “24 Print” Ltd

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW; HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE

Zharov S.N. Duel as a crime in Russian criminal law of the 18th-19th centuries	59
Larionova K.A. Improving the legislative support of the monitoring system for assessing the effectiveness of the application of regulatory legal acts	59
Lityagina A.S., Shavaeva D.V. Electronic money and drug trafficking in Russia: analysis and complexity of regulation	60
Petrik A.S. Legal self-regulation as a type of legal regulation	61
Ryzhikova E.V. Mechanism of «regulatory guillotine» in the sphere of construction	61

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

Fatkina E.A. A new round of development of the policy of convenience and simplicity of the fulfillment of tax obligations	62
Fedotova A.A. Features of the application of budgetary procedural rules on the provision of a grant (subsidy) by the arbitration courts of the Russian Federation	63

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

Shireva I.V. EU environmental policy	63
Jakub Faiz The concept of electronic securities in private international law	64

STATE AND LAW. LEGAL SCIENCE

**THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW;
HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE**

DUEL AS A CRIME IN RUSSIAN CRIMINAL LAW OF THE 18TH-19TH CENTURIES© 2021 **Zharov Sergey Nikolaevich**Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
E-mail: serzhar@mail.ru

The article is devoted to the study of the development of criminal prosecution for participation in a duel in the law of the Russian Empire. The tradition brought from Western Europe, which had no roots in Russia, unexpectedly quickly turned into a serious problem, not without the connivance of lawmakers and judges themselves, as well as the encouragement of public opinion. The sources of the study were articles of normative acts that carved for participation in duels, as well as draft such acts and other texts that reflected the opinion of the legislator on this issue. Formal legal and historical methods made it possible to identify elements of the corpus delicti and the attitude towards it in society. A diachronic comparison of articles of normative legal acts showed a change in the perception of this act from a state crime to lynching and further to murder, and at the end of the period the legislator created a subject not only exempted from responsibility for the duel, but also obliged to initiate it.

Keywords: history of Russia, criminal liability, duel, honor and dignity, state crime, lynching, murder.

**IMPROVING THE LEGISLATIVE SUPPORT OF THE MONITORING SYSTEM
FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE APPLICATION
OF REGULATORY LEGAL ACTS**© 2021 **Larionova Karina Azatovna**Graduate student
Astrakhan State University, Astrakhan, Russia
E-mail: kar1na@yandex.ru

The article is devoted to the study of the issue of legislative support for monitoring the assessment of the effectiveness of the application of normative acts, identifying problems in the implementation of the mechanism, presents the prospects for the development of legal regulation of the organization of the type of monitoring under consideration. The directions of improving the legislative support of the general mechanism for increasing the efficiency of normative acts are proposed and substantiated.

Keywords: normative legal acts, the effectiveness of the application of legal acts, improvement of legislative support, monitoring, law enforcement.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote) of December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta of 07/04/2020, No. 144.
2. Decree of the President of the Russian Federation of 20.05.2011 No. 657 (as amended on 25.07.2014) «On monitoring law enforcement in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 21. Art. 2930.

3. Decree of the President of the Russian Federation of 13.10.2004 No. 1313 «Questions of the Ministry of Justice of the Russian Federation» (as amended on 14.01.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 18.10.2004. No. 42. Art. 4108.
4. Decree of the Government of the Russian Federation of 05.06.2008 No. 437 «On the Ministry of Economic Development of the Russian Federation» (revised on 27.02.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. June 16, 2008. No. 24. Art. 2867.
5. Decree of the Government of the Russian Federation of 11.11.2015 No. 1219 «On approval of the Regulations on the Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation and on amendments and invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation» (as revised on 24.11.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 11/23/2015. No. 47. Art. 6586.
6. Decree of the Government of the Russian Federation of 12.06.2008 No. 450 «On the Ministry of Agriculture of the Russian Federation» (as amended on 28.12.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 06/23/2008. No. 25. Art. 2983.
7. *Gorbachev S.A., Zudov Yu. V.* Improving the system for assessing regulatory legal acts of the Russian Federation // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 1 (30). S. 30–38.
8. *Ipatov V.D.* New institutions in rule-making and mechanisms for their implementation, ensuring the improvement of state regulation // Pravo.ru. 2019. No. 3 (59). S. 12–17.
9. *Skibin N.A.* Monitoring as a type of legal control in the system of state and municipal administration // Forecasting methods in engineering and technology. Collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference. 2018.S. 29–33.
10. *Trutneva E. S.* Stages of monitoring regulatory acts // Problems of legal support for sustainable development of the military-industrial complex in modern political and socio-economic conditions. Collection of articles of the All-Russian scientific-practical conference. Under the scientific editorship of A. P. Sokolov. 2020.S. 365–369.
11. *Chernogor N.N., Zaloilo M. V.* Improving the legal regulation of public discussion of the draft normative act // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 4. P. 74–92.

ELECTRONIC MONEY AND DRUG TRAFFICKING IN RUSSIA: ANALYSIS AND COMPLEXITY OF REGULATION

© 2021 **Lityagina Alla Sergeevna**

Senior lecturer, Department of labor and business law of the Institute of law, Economics and Finance
Kabardino-Balkar state University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik, Kabardino-Balkarian Rep.
E-mail: alla7878@bk.ru

© 2021 **Shavaeva Diana Vyacheslavovna**

Student of the YBS19–1m group,
Department of legal regulation of economic activity of the faculty of Law
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

The article deals with the main problems of legal regulation of electronic money in connection with the complication of the situation with drug trafficking in the Russian Federation. The main world approaches to the definition of electronic money are proposed. The current state of the market of narcotic substances is analyzed, new ways of drug trade are considered: trade through marketplaces in the darknet. This article also provides a point-by-point analysis of the leader in the digital drug trade market, provides statistics of law enforcement agencies and health organizations, as well as research by independent media in this area. The key features of the Russian shadow market of drug trafficking are touched upon and the main difficulties of combating and preventing such crimes are revealed.

Keywords: electronic money, drugs, shadow market, digital drug trade, cryptomarket, money laundering

LEGAL SELF-REGULATION AS A TYPE OF LEGAL REGULATION

© 2021 **Petrik Angelika Sergeevna**

graduate student

Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

E-mail: petrik.yurist.irk@mail.ru

The article is devoted to the issues of determining the legal nature of legal self-regulation. In order to answer the question posed, the author investigated the ratio of the signs of legal regulation and legal self-regulation, as well as the ratio of the elements of their mechanisms. Thus, the article formulates the thesis that legal self-regulation is a type of legal regulation.

Keywords: legal regulation; self-regulation; legal self-regulation; mechanism of legal regulation; mechanism of legal self-regulation; subject of legal self-regulation; method of legal self-regulation; limits of legal self-regulation; signs of legal self-regulation.

References

1. *Leskova Yu. G.* Samoregulirovaniye kak ekonomicheskoye i pravovoye yavleniye [Self-regulation as an economic and legal phenomenon] // Zhurnal rossiyskogo prava. 2011. No. 5. S. 48–56.
2. *Minnikes I. A.* Ob individual'noy norme i individual'nom pravovom regulirovanii // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [On the individual norm and individual legal regulation] // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2009. No. 5. S. 69–74.
3. *Minnikes I. A.* Ponyatiye pravovoy personifikatsii (k probleme individual'nogo pravovogo regulirovaniya) [The concept of legal personification (to the problem of individual legal regulation)] // Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. No. 6. S. 42–45.
4. O samoreguliruyemykh organizatsiyakh: Feder.zakon Ros.Federatsii ot 01 dekabrya 2007 g. N 315-FZ: prinyat Gos. Dumoy Feder. Sobr. Ros. Federatsii 16 noyab. 2007 g.: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 23 noyab. 2007 g. // Ros. gaz.— 2007.— 06 dekabrya. N 273

MECHANISM OF «REGULATORY GUILLOTINE» IN THE SPHERE OF CONSTRUCTION

© 2021 **Ryzhikova Ekaterina Viktorovna**

student

Russian Academy of National Economy and Public Administration

under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: 1012809@mail.ru

The «regulatory guillotine» mechanism has been introduced since 2019. The article analyzes the existing system of regulatory and technical acts in the construction sector, the prerequisites for its reform. The results of the creation of an updated regulatory framework as of January 1, 2021 and problems in the implementation of the «regulatory guillotine» mechanism were studied. It is concluded that it is necessary to prolong the implementation of the mechanism.

Keywords: regulatory guillotine, reform of control and supervision activities, control and supervisory authorities, the system of mandatory requirements, the regulatory legal framework, the construction industry, entrepreneurship, small and medium-sized businesses, legal regulation.

Reference

1. *Aleksandrov O.V.* «Regulyatornye gil'otiny»: mezhdunarodnyj opyt ustraneniya prepyatstvij dlya biznesa i investirovaniya [«Regulatory Guillotines»: International Experience in Removing Barriers to Business and Investment] // *Torgovaya politika*. 2019. № 1 (17). S. 107–118;
2. *Artemenko E.A.* «Regulyatornaya gil'otina»: analiz proektov novyh struktur normativnogo regulirovaniya [«Regulatory Guillotine»: Analysis of Draft New Regulatory Structures] // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 2021. № 1. S. 30–54;
3. *Volkova A.N.* «Regulyatornaya gil'otina» i praktika sudov raznyh urovnej po primeneniyu ustarevshih sovetskih reglamentnyh norm [«Regulatory guillotine» and the practice of courts of different levels in the application of outdated Soviet regulations] // *Normirovanie i oplata truda v stroitel'stve*. 2020. № 4. S. 57–61;
4. *Ivanova V.N., Seregin S.N.* Reforma kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti: interesy gosudarstva i biznesa [Reform of control and supervisory activities: interests of the state and business] // *Pishchevaya promyshlennost'*. 2017. № 6. S. 10–14;
5. *Izmeneniya v zakonodatel'stve, vstupivshie v silu 1 yanvarya 2021 goda* // *YUrist VUZa*. 2021. № 2. S. 26–41 [Changes in legislation that entered into force on January 1, 2021];
6. *Martynov A.V.* Perspektivy primeneniya mekhanizma «regulyatornoj gil'otiny» pri reformirovanii kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti [Prospects for the application of the «regulatory guillotine» mechanism in the reform of control and supervisory activities] // *Vestnik NNGU*. 2019. № 5. S. 143–165;
7. *Chepunov O.I.* Nekotorye problemy «Regulyatornoj gil'otiny» [Some problems of the «Regulatory Guillotine»] // *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*. 2020. № 1. S. 133–140;
8. *Choi, D., Kim, P.S.* Regulatory Reform at a Critical Time: the Case of the Republic of Korea // *Public Organization Review*. 2017. 17(2), c. 315–334.

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

A NEW ROUND OF DEVELOPMENT OF THE POLICY OF CONVENIENCE AND SIMPLICITY OF THE FULFILLMENT OF TAX OBLIGATIONS

© 2021 **Fatkina Ekaterina Alekseevna**

student-undergraduate

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

The article analyzes the Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.11.2020 № 305-ES20–2879, in which the Court concluded that it was illegal to charge penalties for the period after confirmation of the overpayment until the actual decision on offsetting to the taxpayer, who timely submitted an application for offsetting the overpayment. The article presents the problem of the mechanism for the fulfillment of a tax obligation in the light of the principle of convenience, simplicity and economy of the fulfillment of an obligation.

Keywords: fine; tax discharge offsetting; the principle of convenient, simple, economical execution of a tax duty; the Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.11.2020 № 305-ES20–2879.

FEATURES OF THE APPLICATION OF BUDGETARY PROCEDURAL RULES ON THE PROVISION OF A GRANT (SUBSIDY) BY THE ARBITRATION COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2021 **Fedotova Anna Alexandrovna**

Post-graduate student of the Department of Financial, Banking and Customs Law
named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia
E-mail: Ann_kach92@mail.ru

The article discusses the problems of judicial law enforcement practice of applying budgetary procedural rules in the field of subsidizing legal entities and individual entrepreneurs. An analysis of law enforcement practice indicates that subsidiary bodies, as part of control measures, often misinterpret the provisions of the Subsidy Agreements in conjunction with the provisions of existing legislative acts, and therefore arbitration courts formulate a practice on the grounds for the recognition by the regulatory authorities of actions by recipients of subsidies as violations, which are the grounds for the return of the subsidy.

Keywords: application of budgetary procedural rules, conditions for the provision of subsidies, conditions for the use of subsidy funds, misuse of budget funds, principle of efficiency (effectiveness) of the use of budget funds.

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

EU ENVIRONMENTAL POLICY

© 2021 **Shireva Irina Viktorovna**

PhD in Law, Associate Professor at the Department of International and Public Law
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: IVShiryova@fa.ru

The article discusses topical issues related to the initiatives of the European Union in the context of the protection of natural habitats.

Keywords: environmental policy, climate, European Union, UN, greenhouse gases, F-gases, European Environment Agency, United Nations Framework Convention on Climate Change, Paris Climate Agreement, emissions trading system.

THE CONCEPT OF ELECTRONIC SECURITIES IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

© 2021 **Jakub Faiz**

postgraduate student, Faculty of Law
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
E-mail: faiz84waheeb@gmail.com

The purpose of the study is to define the concept and characteristics of electronic securities at the international level. The subject of the study was the Hague and Geneva Conventions on Securities. Currently, the concept of electronic securities is based on economic rather than legal criteria. The only feature of securities enshrined in international conventions is their financial nature. The list of electronic securities is vague and covers all financial assets and instruments, with the exception of cash. As a result, it is impossible to distinguish electronic securities from the totality of property rights as a whole.

Keywords: electronic security, financial asset, financial instrument, The Hague Convention, The Geneva Convention.